

**Мы не ненавидим
друг друга**

1: Клэри

— Это шутка?

Изабель, склонив голову, устало выдыхает мое имя. Нет, ну, а что? Я была практически шокирована, услышав, что меня отправляют на задание вместе с Алеком.

Джейс широко улыбается, а я, закатив глаза, отхожу к Иззи.

— Твой брат уже в курсе?

Подруга, откинув за спину свой шикарный темный хвост, хитро улыбается, подмигнув Джейсу.

— Мы оставили его реакцию на десерт.

«Потрясающе». Мне остается только мрачно поджать губы и сложить руки на груди.

— Тебе напомнить, чем закончилась наша прошлая совместная вылазка?

Иззи, расплывшись в улыбке, качает головой, а я лишь мрачнею, оценив ее реакцию. В этом не было ничего смешного!

— Каждая ваша совместная вылазка заканчивается каким-то экшеном для нас, — встрял Джейс, кинув в мою сторону какой-то скептический взгляд, — Каждая, Клэри.

— Неправда!

Изабель и Джейс переглядываются, после чего возвращают свой взгляд ко мне.

— Правда, Клэри.

Злясь на обоих за их ненужные комментарии, я упрямо складываю руки на груди, не желая признавать их правоту.

Джейс, смягчившись, поднимается с кресла, сменив надменность во взгляде на искреннее веселье и братскую заботу.

— Клэри, не злись. Но стоит оставить вас с Алеком где-то вместе вне тренировочной арены вы разве что не деретесь.

— Мы не деремся!

Джейс послушно поднимает руки вверх.

— Тише, тише. Вы не деретесь, но устраиваете такую словесную атаку, что остаться незамеченными не удастся не только вам, но и тем, кто сдуру пошел с вами.

— Да, да, — предательски поддакивает Изабель, заставляя меня зло сощурить глаза.

— Вот, например, месяц назад вас отправили в Идрис.

Я так же упрямо вздернула подбородок.

— И мы вернулись с отчетами!

Джейс не в силах скрыть предательскую усмешку, но, тем не менее, послушно кивает.

— Да, но в каком виде и какой ценой, Клэри.

Джейс поднимает брови, а я отвожу глаза. Ну, допустим. В тот раз мы действительно облажались. Отчеты мы передали еще без приключений, а вот когда их стали вручать нам, что-то пошло не так. Кажется, я первая разозлилась на Алека, потому что этот засранец отказался давать стопку отчетов мне, ссылаясь на то, что у меня дырявые руки. Я настолько увлеклась ворчанием, отмечая вылетающие изо рта Алека колкие фразы, что случайно потеряла бдительность и за следующим поворотом врезалась в тележку с горячими напитками. Но у меня все-таки хорошая реакция, потому что я инстинктивно вцепилась за Алека и потянула его за собой. Парень спас наши задницы тем, что за ту секунду, которая у него была, он успел сориентироваться, и, понимая, что он все равно упадет вслед за мной,

хотя бы отбросил в сторону стопку отчетов, которые взмыли в воздухе как белоснежные голуби.

Конечно, ряд напитков вылился на нас, благо хоть не на лицо и не на открытые участки тела. Алек орал на меня так, что к нам сбежались практически все. Парень реально был в бешенстве. Мы выставили себя в не очень-то привлекательном свете: я показала себя как неуклюжую невнимательную примитивную, а Алек показал, что не так уж и хорошо он держит свои эмоции под контролем. Клянусь, многие были в шоке, увидев его таким эмоциональным.

— А три недели назад вас оставили в офисе, чтобы вы перерисовали чертежи, которые потускнели, — подключилась Изабель, встав рядом с улыбавшимся Джейсом, — И что в итоге? Вы мешали работать всем, кто там был, потому что ваше ворчание друг на друга было слышно даже в коридоре. И если поначалу это всех веселило, то потом это не могло не напрягать.

— Я не виновата, что ваш Алек не может заткнуться, когда это нужно!

Изабель громко смеется.

— Милая, ты же знаешь, что Алек не в состоянии закрыть рот, когда ты рядом. Не знаю, что ты делаешь с моим братом, но теперь даже мне иногда хочется закрыть ему рот рукой, ограничив его ворчливую эмоциональную болтливость.

— Ты его провоцируешь, — встрял Джейс, получив от Изабель кивок, а от меня злой прищур.

— Неправда!

— Ты же первая начинаешь лезть к нему со слащавой саркастичной улыбкой.

Я снова принимаю оборонительно-возмущенную позу.

— Потому что он со мной не здоровается! Я пытаюсь показать ему, что я тоже присутствую в комнате!

Потому что Алек специально не здоровается со мной первым, ограничившись лишь ледяной вздернутой бровью, мол «Ты все еще с нами? Ты все еще не провалилась сквозь землю?». И Алек делает это специально, потому что знает, что я не смогу промолчать! Что стоит поздороваться со мной? Назвать меня по имени?! Нет. Этот засранец будет делать все, лишь бы вывести меня из себя.

Ребята снова смеются.

— Хорошо, допустим. Но когда он называет тебя «примитивной» ты взрываешься, а ведь можешь промолчать.

— Нет, не могу! И Алек это знает!

Хуже его «примитивной» может быть только «маленькая девочка». Я уже даже заказала себе футболку, с надписью: «Клэри! Меня зовут Клэри!», но даже этот прием не сработал. Хотя Алек впервые за долгое время рассмеялся, когда я с вызовом во взгляде предстала в ней перед ним. Но когда я увидела, как он искренне смеется, без злобы и сарказма, я просто не могла сохранять эту мрачность лица. Алек был таким мягким. Таким... теплым. Таким, каким я видела его с Изабель. Не знаю почему, но мне всегда хотелось, чтобы Алек был таким и со мной. Но одностороннего желанья в этом случае мало.

И когда Алек отсмеялся, он, все еще улыбаясь, приподнял бровь, поприветствовав меня словами: «Хорошая попытка, примитивная». Ах, я готова была рвать и метать в ту минуту.

— А помнишь, когда у нас с вами была совместная вылазка? Из-за вас двоих мы чуть не просрали все дело.

Изабель толкает Джейса, намекая на его скудный словарный запас, не радовавший слух, а я хмуро встречаю его комментарий.

— Все было не так плохо.

Изабель, усмехнувшись, поворачивается ко мне.

— Ты подставила ему подножку, и Алек чуть не разгромил все помещение.

Да, это, конечно, было смешно. Алек практически взревел в этот момент, но я удачно пряталась за спиной Джейса, понимая, что не будь здесь его и Изабель, я бы уже была раскатана по полу.

— Только потому, что он назвал меня маленькой девочкой и забрал у меня клинок!

Да, это вывело меня из себя. Парень практически рассмеялся, когда Джейс выдал мне клинок, поэтому нагло забрав у меня из-под носа мое оружие и обозвав меня практически соплячкой, гордо развернулся, чтобы уйти. Увы, Алек, увы. Моя нога взлетела абсолютно произвольно, но сшибла она Алека очень даже не плохо.

— А потом из-за вас двоих мы не смогли пройти незаметно! Потому что на каждое его «примитивная» ты эмоционально шипела «Клэри, меня зовут Клэри!».

Джейс настолько удачно изобразил наши с Алеком голоса, что когда Изабель зашла в приступе истерического смеха, я едва сдерживала улыбку норовившую вылезти и на мое лицо.

Да, со стороны наши пререкания всегда веселили остальных. Только вот мне одной было грустно от того, что Алек ведет себя со мной именно так. Я ведь знала, какой он на самом деле. Мне было больно от того, что он не давал мне сблизиться с ним, потому что я правда этого хотела. А потом наши перепалки стали чем-то само собой разумеющимся, нам просто нравилось выводить друг друга, подбешивая этим остальных. Не скажу, что Алек ненавидел меня лютой ненавистью, или был холоден, игнорируя факт моего присутствия. Нет. Этого не было. Но вот какое-то до боли детское поведение не покидало нас ни на минуту. Хотя для меня он был скорее старшим ворчливым братом, на которого мне хотелось равняться во всем, но так, чтобы он не видел эту самую преданность в моем взгляде.

За исключением тренировок. Вот здесь Алек взял надо мной полное шефство, и я ни разу (!) не поспорила с ним. Я училась у него, стараясь взять тот максимум, который он мне дает, мне было важно показать ему, что он может гордиться мной, а не краснеть за меня. И пусть Алек был строг, но он был все равно мягким. Он не спрашивал меня о помощи, знал, что откажусь, поэтому все делал без лишних вопросов. Подсказывал как себя вести, контролировал мой режим питания, дарил мне короткий кивок, говорящий о том, что он доволен результатом, и я никогда не пропускала наши занятия. Как и он. Почему-то здесь, несмотря на то, что мы были вдвоём, нам не хотелось пререкаться. И, что врать, этой части дня я всегда ждала с большим трепетом. Мне всегда хотелось быть ближе к Алеку. Но я принимала условия игры, которые он между нами выдвинул.

А что, собственно, мне еще оставалось?

— Хорошо, ты права. Вы оба провоцируете друг друга.

Ну, уже хоть что-то. Разделили с Алеком эту вину 50 на 50.

— Как маленькие дети, ей богу.

Закатываю глаза.

— Твой брат сам виноват. Если бы он не опускал эти колкие фразочки, я бы еще могла его игнорировать.

— Ну, ты же знаешь его...

Изабель внезапно осекается, и будь я умнее, я бы проанализировала, почему так напрягся Джейс, но, увы, сейчас я думала совсем о другом.

— Ну, и что?! Я-то общаюсь только с его второй, паршивой стороной характера! С вами-то он другой! Почему он не может быть таким и со мной?!

К моему удивлению мне не отвечают те, кто стоит передо мной. Все намного хуже. Мне отвечает голос из-за спины. И я понимаю, почему эти двое так напряглись, вперив в меня тревожный взгляд.

— Потому что мое отношение еще нужно заслужить, примитивная.

2: Клэри

— Ну чего ты орешь, Клэри, — Алек устало проводит рукой по своим темным волосам, не понимая, как этот жест на меня действует. Почему-то в отношении Алека это вызывало больший трепет, чем в отношении Джейса. Может, потому что первый был скромным и не страдал завышенной самооценкой?

Тем не менее, сейчас я была в таком шоке, что не могла промолчать.

— Тебе говорят, что ты отправишься со мной на задание, а ты даже не проворчал?

Действительно, меня поразило, что Алек воспринял эту новость так спокойно и сносно. Я-то ждала очередной словесной войны. А к такому отступлению с его стороны была не готова.

— Не беси меня, Фрэй, — только отпарировал Алек, сложив на своей груди руки.

Закатив глаза, отхожу от него, предоставляя доступ к нему его сестре, которая наблюдала за нами со своей раздражающей меня улыбкой, словно она не потешалась над нами, как другие, а видела то, чего не видели остальные.

— Клэри, можешь, отнеси этот отчет Ходжу?

Кивнув Джейсу, забираю протянутые парнем бумаги, и, вздернув подбородок, гордо выхожу из комнаты, под тяжелый вздох Алека. Но как только я оказываюсь за дверью, я никуда не иду, прекрасно понимая, что если Ходж получит отчет парой минут позже, катастрофы не случится. Я вжалась в стену, приставив ухо к дверному проему. Я хочу слышать все, что Александр Лайтвуд сейчас скажет Иззи и Джейсу. Мне нужно знать.

— Ты уже был в курсе?

Джейс.

Парни пережили непростой год. Сначала у них были проблемы в общении из-за меня, потом из-за того, что Джейс не мог уследить за мной или не подстраховывал, как Алек, потом из-за того, что я слишком много времени проводила с Алеком и, кажется, Джейс тогда ревновал, а потом из-за того, что мы расстались. Да, наши отношения зашли в тупик, и я, честно говоря, испытала облегчение, когда попросила его остаться друзьями. Увы, Джейсу потребовалось два месяца, чтобы перестать изводить своими чувствами меня, Алека, да и всех остальных.

Только сейчас они начинали общаться без того холода, который преследовал их до этого. Хотя моменты противоречия возникали все равно. Мне оставалось только молиться всем ангелам, чтобы Алек не считал это моей виной и не убивал меня своим испортившимся ко мне отношением. Черт возьми, я не выдержу ненависти с его стороны еще раз.

— Нет, я не знал.

— Но мы ожидали немного другой реакции, — мягко говорит Изабель, наверняка накручивая в этот момент свой темный локон на палец.

— Я знаю. Но эта не та новость, из-за которой я бы взбесился. Вот если бы вы сказали, что примитивная снова попала в неприятности, клянусь, на этот раз я бы взорвался.

Мне требуется немало усилий, чтобы сдержатъ смех. Да, Алек не любил тот переполох, который почему-то всегда преследовал меня. Но я знаю, что в глубине души, это все из-за того, что он беспокоится обо всех нас. Алек брал ответственность за каждого, и я знаю, что он взял ответственность и за меня. Он присматривал за мной. И я всегда это ценила.

— Как бы вы снова не налажали. Сам понимаешь, вы двое очень горячая парочка.

Я почти уверена, что Алек сейчас смерил Джейса ледяным взглядом.

— Алек, ради всех ангелов, не дави так на нее. Будь мягче. Клэри нужна твоя поддержка, ты ведь сам это понимаешь. Уйми свое мальчишеское эго.

Изабель. Я готова сейчас поклониться перед ней за эти слова.

Алек же просто проигнорировал их.

— Примитивная устроила истерику, узнав об этом?

— Нет, она устроила ее, когда отказывалась признавать, что всякий раз, как вас оставляли вдвоём, что-то случалось.

Джейс усмехается, а я готова закатить глаза от того, что он так бестактно относится к нашим с Алеком отношениям. Он считал, что нас с Алеком связывает только ненависть друг к другу, совсем не понимая, что между нами есть и что-то теплое, человеческое и настоящее. Я всегда возвращалась к Алеку, переступая через обиды, а тот всегда принимал меня обратно и никогда не прогонял меня. Со временем мы с Алеком нашли какое-то свое понимание, а вся эта детская агрессия — уже просто привычный нам способ общения.

— Ты преувеличиваешь, — натянуто говорит Алек, и я напрягаюсь, уловив в его тоне жгучие ноты.

Да, он тоже не любил слушать о наших с ним отношениях. Пусть он и не признавал это сам, но я, уже не в первый раз подслушивающая разговор Алека с кем-то из них, поняла, что он тоже отстаивает наши с ним взаимоотношения, не признавая в них злобы и ненависти.

Ладно, у нас были сложные отношения.

Но такое ощущение, что мы оба не хотели слышать это, потому что знали, что в наших отношениях есть и другие стороны. Просто их не видели остальные, так как ни он, ни я, не стремились быть ближе друг другу в присутствии кого-либо из жителей Института.

— Да неужели? — Джейс отражает тон Алека, а значит, сейчас между ними снова начнется сопротивление.

После этого Изабель разнимает едва не сцепившихся в словесной атаке парней и, когда Джейс уходит через второй вход, позволяя мне и дальше оставаться незамеченной, я с долей грусти понимаю, что поводом для их раздора и на этот раз стала я.

— Алек, расслабься. Мы оба знаем, что Джейс ведет себя так из-за того, что ревнует.

— Они расстались. Почему он все еще не может оставить ее в покое?

— Потому что это Джейс. Он собственник и не привык чем-то делиться. А сейчас ему приходится делиться не только Клэри, но и тобой, Алек.

Возникает долгая пауза, и я уже хочу уйти, как прорезавший тишину голос Алека снова заставляет меня передумать.

— Ладно, черт с этим. Что там с примитивной? Она не против?

Алек серьезно сейчас это спрашивает? Переживал за мою реакцию? Что ж, этот Алек всегда нравился мне больше, чем тот неприступный и хладнокровный парень, который проявлялся в нем, когда я оказывалась рядом.

— Ты беспокоишься?

Хитрецу в голосе Изабель я чувствую даже стоя за дверью.

Алек же устало вздыхает.

— Иззи. Просто скажи.

Меня трогает какая-то скрытая мольба в его голосе, потому что я понимаю, что для него это действительно важно.

— Она всегда за, Алек, — мягко и осторожно говорит Изабель, — Просто ты еще этого не понял.

Я практически цепенею, а когда прихожу в себя, довольно трусливо сбегаю.

Не потому, что мне стыдно.

А потому, что Иззи все поняла.

Поняла, что я чувствую к Алеку.

3: Алек

Я слишком долго молчал, обдумывая слова сестры. Не то, чтобы я не знал, что примитивная таскается за мной, потому что хочет у меня чему-то научиться, но я понимал, что было что-то еще. Почему-то Фрэй выбирала меня, даже когда я вел себя как козел. Она всегда была ко мне благосклонна, прощая мне дурное отношение к ней.

— О чем ты, Иззи?

Сестра, покачав головой, закатила глаза.

— Не делай вид, что не понял.

— Иззи... — предупреждающе начинаю я, чувствуя, что сестра снова заведет тему относительно моих чувств к этой рыжей девчонке. Черт меня дернул согласиться с ней, когда она застала меня наблюдающим за Фрэй и Саймоном. Иззи всегда была наблюдательной и сообразительной, а уж в отношении меня и подавно. Порой это угнетало.

— Алек, ты ей нравишься. Просто она, как и ты, боится себе в этом признаться, учитывая накал страстей в ваших взаимоотношениях.

Довольно трусливо отвожу глаза, отмахиваясь от ее слов, и разве что не сбегаю отсюда, боясь, что наш разговор с Изабель заведет меня в очередной тупик.

Я понимал, что чувствую к примитивной то, что было для меня под запретом. Поначалу я действительно ее ненавидел, виня ее во всем, что меня огорчало. Со временем я уже привык к ней, и эта энергичная полная радости и жизни девчонка просто не могла не изменить мое отношение к ней. Я понял, что она приносит проблемы не умышленно, потому что примитивная сама не понимала, как умудряется ввязываться во все неприятности. Она переживала, беспокоилась, пыталась защитить кого-то из нас, хотя это мы должны были защищать эту неопытную девчонку. В какой-то момент я проникся к ней... уважением. Но вот наше общение и манера поведения мало чем изменились. Признаю, мне нравилось провоцировать ее. Она мило злилась, была похожа на рыжего взъерошенного котенка, который, несмотря на свою милую мордашку, готов выцарапать глаза своему противнику.

И что врать, мне нравилось выводить ее на эмоции, ведь таким образом она обращала на меня свое внимание. Переживала. И тем самым не забывала про меня.

Потому что я боялся своего одиночества.

Боялся, что она справится... без меня.

— Алек.

Я едва не дергаюсь от неожиданности, настолько погрузился в свои чувства. Ходж лишь хлопает меня по спине и ведет меня в офис, где мы обсуждаем нашу очередную вылазку в город, выстраиваем новую стратегию, отсылаем отчеты в Идрис. Ходж довольно тактично спрашивает про мое мнение относительно того, что меня отправляют с Фрэй, но я лишь поджимаю губы, выдавив из себя короткое «Справимся».

После обеда, меня отправляют к Таллуле, которую прислал нам конклав. Смена руководства повлекла за собой и перемены в организации, и теперь, мы были вынуждены посещать присланного к нам «психолога». Я согласен с тем, что логика в этом была. Отношения у всех в последнее время были натянутые, постоянный стресс, нервы, потери, все или замыкались в себе или погружались в агрессию, не справляясь с напряжением. В итоге: сорванные невыполненные миссии, проблемы внутри коллектива, измены и т. д.

Но на все это уходило время, которого мне итак не хватало. Более того, я не любил говорить о себе, особенно с тем, кто не близок мне. К моему удивлению, мою реакцию разделила Фрэй. Джейс и Изабель отнеслись к этому спокойно и, как я понял, даже смогли решить какие-то свои проблемы, иначе как объяснить, что парабатай вдруг снова стал со мной сближаться и перестал игнорировать Изабель?

Но вот Фрэй была недовольна. Она итак считала, что у нее много препятствий здесь, а теперь еще уроки психоанализа, которые могут принести ей проблемы, если она покажет себя профнепригодной.

Я-то понимал, что этого не будет, так как примитивная была уже одной из лучших, пусть и благодаря мне в плане тренировок. Она так же обладала всеми нужными бойцу качествами, будь это решительность, острый ум или умение предугадывать действия противника. Да, примитивная отличалась рискованностью и долей безрассудства, пусть и в попытке защитить и спасти того, кто ей дорог, но она старалась быть лучше, она выросла в моих глазах за это время. А если даже я это вижу, то другие и подавно.

— Александр, здравствуй.

Я киваю Таллуле и сажусь напротив нее, радуясь тому, что библиотеку отдали под ее ведение. Это, как минимум, означало, что здесь не будет лишних ушей, да и я чувствовал себя здесь комфортно и не так скованно.

— Александр, скажи мне, что ты чувствуешь?

Не будь Таллула милой добродушной фейри, с которой конклав решил сотрудничать, я бы сейчас закатил глаза или раздраженно вздохнул. Но вести себя так рядом с Таллулой было невозможно. В нее влюбились все, не исключая меня, так как каждый находил в ней какую-то родственную душу, готовую выслушать тебя и дать тебе совет. Она была женщиной преклонного возраста, седые волосы всегда были заплетены в низкий пучок, а лазурные глаза, согревающие тебя своей жизненной мудростью и душевным теплом, всегда были подведены какой-то фиолетовой штукой. Но ей это шло. Таллула была очень добродушной и мягкой, глубоко в душе, я признаю, что мне нравилось проводить время с ней, и говорить о том, что важно для меня. Я ценил ее советы, потому что они всегда были к месту и всегда осторожно тактичны.

Таллула была тем еще живчиком и ее чувство юмора успел оценить весь Институт, но на время сеансов она была тем собеседником, который мог дотянуться до тебя и расположить к себе.

— Я чувствую потерянность.

Потому что это правда. Я потерялся в своих отношениях с парабатаем, потерялся в своих чувствах к тому, что Изабель теперь с этим надоедливым Саймоном, и я потерялся в чувствах к примитивной, я терялся от осознания того, что они противоречат моему желанию быть в стороне от нее.

— Но теперь это состояние не вызывает у тебя агрессии, верно?

Киваю.

Таллула права, раньше из-за этой потерянности я срывался на всех. В большей степени досажая, конечно, примитивной. Мне было удобно винить ее во всем и отыгрываться на ней и на ее чувстве вины. Жестоко, знаю. Но что я мог сделать?

— Теперь это просто угнетает.

Таллула наклоняется чуть ближе.

— Что тебя радует, Александр? Ради чего ты просыпаешь по утрам?

Я теряюсь от ее вопроса, и какое-то время просто растерянно моргаю.

— Меня радует осознание того, что я приношу пользу.

Таллула качает головой.

— Нет, Александр. Я спрашиваю тебя не о твоей работе и не о чувстве долга. Я спрашиваю тебя о том, что тебя радует в этих трудовых буднях. Что приносит тебе радость.

Я снова растерянно моргаю.

— То, что я работаю рядом с сестрой?

Факт того, что на ее вопрос я отвечаю своим неуверенным вопросительным тоном, уже давал понять, что я думаю не о том.

Таллула мягко улыбается и снова облокачивается о спинку своего кресла.

— Хорошо, давай попробуем по-другому, Александр. Скажи, что хорошего есть в каждом твоём дне?

Не задумываясь, отвечаю:

— Я провожу его с Изабель.

Таллула снова мягко улыбается.

— Ты очень привязан к семье, Александр, это вызывает уважение и восхищение. Изабель очень повезло с тем, что у нее есть такой брат, как ты.

После чего снова наклоняется ко мне.

— Но что есть помимо этого? Что еще вызывает у тебя положительные эмоции?

Мне требуется немало времени, чтобы все-таки дать ей ответ.

— Тренировки.

Таллула кивает, намекая, чтобы я продолжал.

— Мне нравится это ощущение, когда я абстрагируюсь от внешнего мира и погружаюсь в свои мысли, когда я полностью отдаю себя какому-то делу. Тренировки меня успокаивают.

— Как часто ты тренируешься?

— На рассвете, перед обедом, после полудня, и поздним вечером.

Таллула снова мягко улыбается.

— Ты всегда тренируешься один?

Вот тут я уже склоняю голову, напряженно всматриваясь в мягкое лицо Таллулы.

— Вы же в курсе, что я тренируюсь с Фрэй во время обеда и после полудня.

Иногда даже утреннюю пробежку мне приходилось делить с рыжей девчонкой, но я умолчал об этом, почему-то постыдившись того, как прозвучит факт того, как много времени я провожу с ней, вслух.

— Именно поэтому я и спрашиваю, Александр. Ты говоришь, что тренировки тебя успокаивают. Стало быть, ты говоришь о тренировках персональных, или тренировки с Клариссой тоже входят сюда?

Я сразу отвожу взгляд, понимая, что сам загнал себя в эту яму. Хорошо, врать я не умею. Тем более, что с Таллулой это не прокатит, а моя совесть потом замучает меня. Я тяну какое-то время, но когда понимаю, что женщина не отстанет, устало вздыхаю, запустив пальцы в волосы.

— Тренировки с Фрэй тоже входят сюда.

— Значит, тебе комфортно в ее присутствии?

— Если мы говорим только о тренировках, то да.

Таллула улыбается, зная, что мы с примитивной не очень-то любезны в присутствии друг друга.

— Сейчас мы говорим только о тренировках. Что ж, тогда расскажи мне, что ты чувствуешь, когда занимаешься с ней.

— В этом есть смысл?

— Ты слишком погружен в работу, Александр, — уже без всякой тени улыбки обращается ко мне женщина, — Ты серьезно относишься ко всему, возложив на свои плечи всю ответственность, которую только смог. И тебя не так много вещей радуют, поскольку ты просто не позволяешь себе расслабиться и пожить в свое удовольствие. Тот факт, что не только кто-то из твоей семьи может гордиться тем, что тебе комфортно в их присутствии, уже побуждает этот вопрос. Отключи свой мозг, не надо анализировать то, что собираешься сказать. Просто говори, я не собираюсь тебя судить за что-то или выносить какой-то вердикт. Я лишь пытаюсь помочь тебе снизить твоё напряжение и облегчить твою ношу. Ты мало с кем говоришь о том, что важно для тебя, не говоря уже о том, чтобы просто поговорить о себе, Александр. Поэтому просто отключи сейчас свой разум, дай ему отдохнуть. Позволь сейчас поработать твоему сердцу. Душе. Говори то, что чувствуешь, а не то, что, по-твоему, правильно.

Ну как после этого промолчишь?

Я облакачиваюсь спиной о спинку своего кресла и опускаю взгляд на свои руки, пальцы которых нервно сжимаю в замок.

— Мне нравится тренировать Клэри, — с трудом, но признаюсь я, — Она не спорит со мной в эти моменты, наоборот, она пытается принять во внимание все, что я говорю. У нас будто возникает перемирие, и мы перестаем ругаться. Мне импонирует её отношение ко мне и к тренировкам в целом. Фрэй всегда вежлива, тактична, она искренна. Мне хочется её учить, потому что я вижу, что у неё получается. Что ей самой хочется. Мне нравится делиться с ней тем, что она ценит. И Фрэй удастся скрасить мое одиночество. С ней... как-то теплее.

Я замолкаю, не смея поднять взгляд на Таллулу.

— Это очень хорошо, Александр. Я рада, что есть кто-то кроме Изабель, способный влиять на тебя таким образом.

Бросив в её сторону осторожный взгляд, отмечаю, что женщина смотрит все ещё тепло, без тени иронии или непонимания. Таллула все понимала.

— Тебе хочется о ней заботиться.

Снова оборонительно складываю руки на груди.

— Она же младше. И опыта у неё не так много.

Таллула вздыхает, качая головой.

— Это объективные причины, Александр. Мы сейчас не смотрим на это, и упускаем так же твоё ярое желание защитить все своё окружение. Сейчас мы отключаем мозг, помнишь? Только сердце.

Мы молчим довольно долго, поэтому мне просто приходится заговорить первым, чтобы не терять драгоценное время.

— Мне просто хочется уберечь её от неприятностей.

Таллула мягко кивает.

— Продолжай, Александр. Расскажи мне, что именно ты понимаешь под этим.

Запустив пальцы в отросшие волосы, пару минут обдумываю, что сказать.

— Может, мои тренировки помогут спасти её жизнь, а мое отношение только сделает её сильнее внутри. Я хочу, чтобы она умела постоять за себя сама, не рассчитывая на

Джейса, Саймона или меня с Изабель. А мои пререкания ставят ее в такую ситуацию, когда она одна против остальных, ведь с ними я себя так не веду. Не могу объяснить, но мне кажется, что это неплохой урок для того, чтобы она научилась решать проблемы сама, учиться уступать, и наоборот настаивать.

Таллула впервые за время урока задумчиво молчит, глядя в окно. Я уже начинаю думать, что она меня не слушала, но женщина внезапно переводит на меня свой пронзительный взгляд.

— Ты хочешь заботиться о ней, Александр. И ты это делаешь.

И этого достаточно, чтобы я обреченно опустил свой взгляд.

Я вынужден признать очевидное.

4: Алек

Пообщавшись с Таллулой на нейтральные темы после разговора о Клэри, я все еще не мог отойти от того, что заставила меня признать Таллула перед этим.

Я забочусь о Фрэй.

Потому что сам хочу этого.

Мне не хотелось усугублять свое и без того сложное положение в отношении примитивной, но с каждым днем, с каждым разговором о ней, я терял возможность отступить назад. Поэтому выхожу из библиотеки довольно понурым, будучи угнетенным от того, что чувства к примитивной принимают совсем ненужный мне оборот.

Но вспомнив о том, что не взял из библиотеки нужную книгу на вечер, раздраженно разворачиваюсь и возвращаюсь назад. Таллула все еще сидит у окна, а я не горю желанием обратить на себя внимание, поэтому, нарисовав руну бесшумности, спокойно прохожу в библиотеку со второго входа, и спокойно ищу в стеллажах нужную мне книгу. Но я едва не роняю взятую с полки книгу, когда слышу звонкий голос примитивной.

— Таллула, здравствуйте!

Боже, я практически остолбенел, пораженный тому, что как бы не хотел держаться от нее подальше, жизнь, словно насмехаясь надо мной, сталкивала нас лбами.

— Здравствуй, Кларисса. Проходи.

И в этот момент, до меня дошло, что Фрэй пришла на свой сеанс. Сначала я нервно метнулся к выходу, но потом замер и вернулся на прежнее место.

Я хочу быть здесь.

Да, это не делает мне чести, и я понимал, что ночью меня будет терзать чувство вины и совесть лишит меня спокойного сна. Но Клэри была для меня под запретом, а прикоснуться к ее жизни, пусть и таким способом, казалось мне подарком свыше.

Я не могу уйти сейчас.

— Алек уже был у вас?

Вздыхнув, признаю свою никчемность. Клэри спрашивает обо мне, и этого достаточно, чтобы внутри меня все перевернулось.

— Александр был у меня минут двадцать назад. А что?

— Он был злой, когда пришел?

Наплевав на совесть и воспитание, я опускаюсь на пол, прислонившись спиной к стеллажу. Клэри все еще беспокоится за мою реакцию относительно нашего задания. По-настоящему беспокоится.

— Вы поссорились?

— Нет, просто нас опрашивают на задание, и он отреагировал как-то слишком спокойно.

Я слышу недовольные нотки в ее голосе и почему-то злюсь на себя. Девчонка все еще переживает за мою реакцию, а я даже не считал нужным поговорить с ней.

— Тебя это расстроило?

Фрей, как ни странно, надолго замолкает. Я же практически затаил дыхание, понимая, что веду себя как придурок.

— Я не знаю, — вздыхает Клэри, — Я не знаю, Таллула.

Девушка снова замолкает, но вскоре сама продолжает разговор, без вмешательства

Таллулы.

— Я так обрадовалась, узнав, что нам с ним что-то доверяют. Что меня отправляют именно с ним! А он вообще никак не отреагировал. Ему все равно, понимаете? Если не хуже. Мне не хочется быть ему обузой, ведь тогда он снова станет раздражённым. Не хочу, чтобы мы снова ругались. Я ведь тоже не смогу промолчать.

Несмотря на тяжелый горький осадок от ее слов, я все равно не могу скрыть печальной улыбки. Примитивная всегда была говорливой, Таллуле даже не пришлось уговаривать ее, Фрэй все карты раскрыла сама.

— Милая, ты не права. Александр не зол и вовсе не считает тебя обузой. Ты не думала, что ему просто надоело ругаться с тобой? Да и как-никак он, в отличие от тебя, уже привык к этим заданиям, и относится к этому с профессиональной серьезностью. Рано или поздно тебя бы приставили к нему, потому что он твой тренер и он лидер.

— Да, но я-то хочу, чтобы он хоть чуть-чуть был рад тому, что с ним поеду именно я.

Да я рад, Фрэй. Правда, рад.

— Кларисса, ты не пробовала просто поговорить с Александром?

Клэри невесело усмехается.

— Я что самоубийца? Нет уж, в отношении Алека мне лучше помалкивать и не раздражать его своими вопросами.

Таллула мягко намекает примитивной на то, что я вроде как хороший парень, но Клэри почему-то перестает говорить и Таллуле приходится перевести разговор.

— Клэри, с какими чувствами ты сегодня встала? Что ты чувствуешь?

Банальный вопрос, который я слышу каждое свое занятие у Таллулы. Уверен, что Фрэй просыпается с безудержным желанием жить и искать новые проблемы.

— Мне грустно.

Грустно? Я поражен ее ответом и едва не открываю рот.

— Это все еще связано с одиночеством?

— Да со всем, — вздыхает примитивная, вызывая у меня в душе очередной спазм от сочувствия к ней, — Мама погрязла в своих делах, да и теперь у нее есть Люк, и как бы я его не любила, я понимаю, что она скучает по мне уже не так, как скучала бы, будучи одна. Саймон практически не навещает меня, он все время занят. Изабель тоже все время занята, теперь она еще проводит время с Джейсом. Я чувствую себя пятым колесом, понимаете? Но с другой стороны, благодаря этому я больше времени провожу на тренировках и в библиотеке, стараясь научиться тому, что все уже умеют и знают. У меня появилось время на себя.

— А Александр?

— Наши тренировки единственное, чего я с радостью жду.

— Почему?

— Потому что мне нравится проводить время с Алеком. С ним я чувствую себя в безопасности. И не только в плане физической подготовки, но и моральной. Почему-то рядом с ним все тревоги отступают на второй план. Он умеет увлечь меня.

— Твое одиночество притупляется, верно?

— Да.

Наверно потому что мы оба страдаем от одиночества, с которым уже научились жить и договариваться.

Слова Фрэй ложатся на мою уставшую душу как бальзам, согревая меня и насыщая желанием жить.

— Тогда почему вы ругаетесь?

— Потому что так получается.

— Всегда?

— Нет, на тренировках мы совсем другие. Между нами нет сопротивления в эти моменты. А во все остальное время... не знаю, просто так получается.

— Тебя это огорчает?

— Иногда мы просто ворчим и не напрягаем друг друга, наоборот мне даже интересно устраивать пикировки, но когда Алек действительно злится или ругается, то да, мне это не нравится. Я потом долго переживаю.

Чувствую укол вины, отчего стыдливо опускаю глаза в пол.

— Почему он оказывает на тебя такое влияние?

— Потому что это Алек. Он на всех оказывает влияние. Я не исключение.

— И все же?

— Что именно?

— Кларисса.

Слышу, как Фрэй вздыхает, признавая поражение. От Таллулы не спрячешься.

— Потому что я его уважаю. Мне хочется быть похожей на него, хочется оправдать его ожидания, мне хочется получить его признание. Потому что он мой наставник. Я считаю его своим главным наставником. Вообще во всей этой сумеречной жизни. Не только на тренировках.

Я пораженно поднимаю глаза обратно, не веря в то, что услышал.

— И ты хочешь...?

— Я хочу что-то значить и для него....

Клэри и Таллула молчат, явно обдумывая слова примитивной. Я же в мученическом жесте сжимаю руками голову.

Если бы Фрэй только знала.

Черт.

Я не думал, что ей настолько важно мое отношение!

Даже не смел мечтать.

Я думал, она все еще видит впереди себя только Джейса.

Ведь я всегда стоял за ее спиной.

Думал, там и останусь.

5: Клэри

— Джейс! Ты меня напугал!

Парень, усмехнувшись, в шутливой форме вскидывает руки.

— Прости, Клэри. Не смог удержаться.

Я возмущенно толкаю его в плечо, отчего его улыбка становится еще шире.

— Ну, не злись.

Закатив глаза, отмахиваюсь от парня, и возвращаюсь к разложенным передо мной книгам. Очередной вечер в библиотеке, где я не только надеялась скрыться от всех, но и погрузиться в учебу, так как все еще не могла догнать остальных охотников по «сумеречным знаниям».

Несмотря на то, что сегодня я планировала отдохнуть от всего этого и напроситься к Саймону, я изменила свои планы после тренировки с Алеком. Чертов, Лайтвуд. Ну, какого дьявола он себя так ведет?

Пол тренировки парень вообще вел себя странно. Он практически игнорировал меня! Говорил еще меньше чем обычно, был каким-то напряженным, словно я сильно ему досаждала сейчас. Но когда под конец тренировки он стал раздражённо ворчать и в какой-то момент упрекнул меня в том, что я не в курсе какой-то там боевой стратегии, я снова почувствовала себя ничтожной. Поэтому, сразу после изнурительной тренировки с ним, в самом паршивом настроении отправилась в библиотеку, чтобы проштудировать все материалы по боевой подготовке.

Мне никогда не получить признание Лайтвуда.

И это ужасно огорчало.

Я ведь хотела, чтобы он мной гордился. Он столько сил вкладывает меня, так со мной носится, объясняя мне элементарные и очевидные для всех кроме меня вещи, что каждое его неодобрение или упрек я воспринимала ужасно болезненно. При этом стараюсь не показать этого ему, чтобы он не считал меня слабой и обидчивой.

С ним было очень сложно.

Особенно сегодня.

Но в итоге, я уже второй час корплю над старыми книгами, изучая искусство войны и прочие военные книги. Проблема была в том, что картинки были намного интересней, чем текст. И мой еще не похороненный художественный взгляд не мог не зацепиться за каждую роспись или старинный узор, сопровождающийся потрясающим окрасом, который немного потускнел за все эти годы.

И мой интерес к этим вещам оценили бы в школе искусств, но, увы, я не там. И вряд ли окажусь там в будущем.

— Все еще учишь?

Джейс сел практически вплотную ко мне и на какую-то долю секунды, когда наши плечи соприкасаются, меня накрывает ностальгия по былым временам. Когда Джейс и я были влюблены друг в друга по уши. Помнится, я вообще считала, что он моя последняя и самая настоящая любовь. Увы, время развело нас по разные стороны баррикад. Вместе мы составляли слишком эгоистичную пару, настолько погруженную в чувства друг к другу, что плевали на страдания тех, кто был рядом.

Все в наших отношениях было слишком импульсивно, резко, необдуманно, эмоционально. И глупо было надеяться на то, что мы не сгорим как спички от этой связи.

Мы нырнули в эту любовь с головой, не понимая, что представляем из себя по отдельности. Казалось, что мы одно целое, две половинки, которым суждено быть вместе. Но реальность заключалась в другом, все люди посланы нам не случайно, и теперь я в это верю. Благодаря отношениям с Джейсом я поняла, что из себя представляю. Поняла, что ценю дружбу больше, чем отношения с ним, потому что Саймон продолжал быть для меня на первом месте. Я всегда выбирала его, когда Джейс начинал словесно нападать на него. Алеку я это прощала, потому что для него это было нормально, и Алек не обязан был уступать ему. Но вот Джейс... заставляя меня выбирать между ним и Саймоном, он был категорически не прав. Саймон часть моей жизни, большая часть. И он должен был это принять. Рядом с Джейсом я не должна была чувствовать себя виноватой за то, что он не единственный человек в моей жизни.

Наши ссоры с Джейсом были такими же эмоциональными и взрывоопасными, как и наши отношения. Джейс не давал мне... опору. И поэтому, со временем, когда страсть ушла, пришло осознание того, что я не чувствую себя слабее, чем он. Рядом с ним я чувствовала себя женщиной, в любой момент готовая взять на себя ответственность не только за себя, но и за него, принять последствия его поведения, решая проблемы Джейса, вместо того, чтобы решать свои.

Мне больше не хотелось идти за ним, и я перестала смотреть на него так, как должна смотреть женщина на своего мужчину.

Но я испытывала к Джейсу сильные чувства, поэтому говорить о том, что он сейчас ничего для меня не значил, не приходилось. Он был мне не чужим человеком, и я относилась к нему с особым трепетом. Но та романтическая составляющая, конечно, канула в былое.

Джейс тоже понимал это, но Изабель права, он был собственником. И ему было сложно принять мой уход. Вообще принять выбор, который сделал не он. Который сделали за него.

— Опять поругались с Алеком?

Я поднимаю на Джейса удивленный взгляд. Парень виновато пожимает плечами.

— Он какой-то нервный.

Тоже мне новость.

— Он всегда нервный, — пробурчала я, снова вернувшись к конспектам.

— Представляю, что вы устроите, когда отправитесь на задание. Как бы Алек вообще тебя не убил.

Джейс усмехнулся, а вот я заметно напряглась. Мне не нравилось, что Джейс считает, что Алеку будет настолько тяжело со мной.

— Почему ты так думаешь?

Джейс раздраженно закатил глаза, словно это было очевидно.

— Провести с тобой трое суток наедине вряд ли мечта всей его жизни. Он тебя и в нашем-то присутствии еле выдерживает.

Не знаю почему, но его слова отдаются в душе болезненным спазмом. Нет. Я не верю, что Алек настолько меня не выносит.

— Ты преувеличиваешь, Джейс.

Парень с иронией осматривает мое лицо.

— Я преуменьшаю, Клэри. Единственный человек, которого он ненавидит — это ты. И

он должен будет провести с тобой трое суток наедине. Поверь мне, я ставлю сотню на то, что Лайтвуд сейчас судорожно упрашивает кого-нибудь из начальства поменять тебя с кем-нибудь.

Это звучит слишком жестоко и беспощадно. Я начинаю захлебываться в унижении и самоуничтожении. Неужели я настолько слепа?

— Джейс, зачем ты это говоришь мне?

И тут Джейс взрывается.

— А почему тебя вообще это задевает?! Разве тебе не должно быть плевать?!

Я потрясенно осматриваю искажившееся лицо Джейса. Он все еще ревнует? Все еще злится на то, что меня тренирует Алек, а не он?

— Джейс, уходи.

Я поднимаюсь, и, из последних сил сдерживая себя, стараюсь не быть грубой. Но мой голос пусть и негромкий, но достаточно твердый.

Но Джейс не уступает. Он никогда не уступал, если хотел доказать свое мнение. Он не знал, что такое компромисс. Пусть будет больно всем, но ему главное высказаться. Сделать все, чтобы доказать, что он прав.

Но я уже не играю в эту игру по его правилам.

И это злит его еще больше.

Джейс поднимается следом и теперь нависает надо мной, как грозовая туча над неколеблющимся озером.

— Серьезно? Хочешь, чтобы я ушел?!

— Уходи, Джейс! — уже повышаю голос я, когда парень начинает пугать меня.

— Алек ненавидит тебя! И на твоём месте я бы не забывал об этом!

Глядя в его потемневшие глаза, я стараюсь не дать себе расклеиться перед ним. Но слезы уже практически душат. Не знаю, я не могла не реагировать на слова Джейса. Алек был моим больным местом. Всегда.

А теперь, когда я нашла в Алеке человека, без которого уже не представляю себя, слова Джейса были как пощечина.

И мне было бы не так больно, если бы он просто ударил меня.

Нет.

Словами можно убить намного быстрее и больнее.

Потому что слова никогда не промахиваются.

— Но ты не на её месте.

Над нами раздаётся низкий и грозный голос Алека, который не сулит Джейсу ничего хорошего. В следующую секунду после своих слов Алек отрывает от меня Джейса, и встает передо мной, заводя меня за себя осторожным и заботливым касанием руки к моему бедру.

— Уходи, Джейс.

И только после этих слов, произнесенных Алеком так холодно и сурово, что-то заставляет Джейса отступить.

Он кидает на меня последний разочарованный взгляд и, сжав свои челюсти, и стиснув кулаки, ни слова не говоря выходит из комнаты.

Оставляя меня своему парабатаю.

6: Клэри

Алек медленно поворачивается ко мне.

— Клэри, что тут было? — осторожно спрашивает Алек, нависая надо мной в силу своего роста.

И как бы я не хотела казаться сильной, я понимаю, что вставший ком в горле и пелена перед глазами уже не исчезнут. Я сама не ожидала, чтоотреагирую на слова Джейса так болезненно и мучительно. Но меня практически разрывало от ненависти к себе и в то же время от обиды за саму себя, ведь я не заслужила такого отношения к себе. Действительно, не заслужила.

Но понимая, что сейчас передо мной стоит Алек, для которого я все еще «примитивная» и «маленькая девочка», я резким движением смахиваю слезы, и отступаю на шаг назад. Беда в том, что слезы продолжают литься, набирая обороты. Алек представляет собой сейчас большое размытое пятно.

— Ничего, — сдавленно шепчу я, снова утирая ненавистные слезы.

Меня пожирало унижение.

Я не должна плакать!

Почему мне так больно?!

Но когда Алек протягивает ко мне руку и касается моего плеча, я принимаю свое поражение. Я начинаю захлебываться в слезах.

Я жду, что Алек оттолкнет меня. Жду, что он рассмеется. В конце концов, просто уйдет. Поэтому снова отступаю назад, качая головой.

— Не смотри на меня.

А в следующую секунду, под тихий вздох Алека, я оказываюсь прижата к его теплой груди. И когда его руки смыкаются на моей талии, я понимаю, что Джейс врал.

Это был мой Алек.

Алек, который всегда был рядом.

Алек, который не ненавидел меня.

Я крепко сжимаю пальцами ткань его футболки, и пусть плач не прекратился, внутри стало теплее. Алек не отвернулся, он в очередной раз доказал, что он относится ко мне не так, как считают другие.

— Не плачь, Клэри, — ласково говорит Алек, выдыхая мне в макушку, — Я не ненавижу тебя. Джейс просто тебя провоцирует.

Но, боже, сейчас я была поглощена тем, как ощущалась наша близость. Алек был таким теплым, таким притягательным, он дарил мне чувство безопасности, которое никто не мог дать мне в этом чертовом Институте. Никто, кроме того, с кем у меня не сложились отношения в первый же день.

Я остро ощущала, как пахнет Алек, и у меня начинала кружиться голова от того, что мне хотелось вдохнуть больше и больше. Странно, но с Джейсом у меня такого не было никогда. А с Алеком... мне не хотелось отстраняться от него.

То, как он касался рукой моих волос, как уткнулся подбородком в мою макушку, как держал свои сцепленные руки на моей талии, все это волновало.

Боже. Рядом с ним я превращаюсь в ту самую маленькую девочку, которой он меня

всегда называл.

И... меня тянуло к нему. Теперь не только душевно..., но и физически.

Алек гладит меня по голове, а я судорожно прижимаюсь к нему. Он моя крепость, мой якорь и моя путеводная звезда. Чтобы между нами не было: пропасть из недопонимания, море нерешенных проблем и ограничений, мы возвращались друг к другу. Всегда.

Но когда я начинаю стыдиться своих чувств и своего порыва — я отстраняюсь.

— Извини, я...

Не нахожусь со словами, но Алеку этого и не нужно. Парень снова ошеломляет меня когда протягивает руку к моему лицу и до боли нежным жестом утирает мои мокрые щеки.

— Все нормально.

Алек так мягко улыбается мне, что у меня снова встает ком в горле.

Когда мои чувства к нему перешли за черту? Когда он вдруг стал для меня так много значить?

— Что Джейс сказал тебе до того как я пришел?

Я пытаюсь отнекиваться, не считая хорошей идеей вспоминать обидные слова его парабата, но Алек умеет настаивать.

— Джейс сказал, что ты хочешь поменять меня на кого-то другого.

Мое сердце снова сжимается от ужаса, что Алек действительно может так сделать. Но когда Алек качает головой, тяжесть сменяется детской радостью.

— Я ни с кем не менялся и не собираюсь меняться. Вообще не понимаю, почему все делают из этого проблему.

Почему-то смутившись, опускаю взгляд в пол.

— Что ты читаешь?

Алек отходит от меня, и наклоняется к столу, чтобы рассмотреть мои записи. Когда он осознает, с чем связан мой выбор книг, парень сжимает челюсти и весь напрягается. И, кажется, он удивлен.

Подсознательно жду с его стороны очередного упрека.

— Ты пошла сюда читать эти книги из-за того, что я сказал на тренировке?

Алек не смотрит на меня, продолжая рассматривать мои конспекты и разложенные книги.

Алеку врать я так и не научилась.

— Да.

Парень тяжело вздыхает.

— Клэри, я не знал, что ты так воспримешь это. Я не думал, что ты отправишься изучать материалы, вместо того, чтобы лечь спать. Боже мой, это же просто пришлось к слову, ты не обязана знать все.

Алек поворачивается ко мне, и прожигает меня своим взглядом.

Только сейчас я читаю в нем и искреннюю заботу, обрамленную тенью вины.

— Алек, я...

Но Алек не дает мне договорить, и отвернувшись опускается на стул возле моего, где до этого сидел Джейс.

— Садись, я объясню все проще и быстрее. В этих книгах можно утонуть, уж поверь мне.

Парень усмехается, а я слишком удивлена такому порыву Лайтвуда, что остаюсь стоять на месте.

Алеку приходится повернуться и оценить меня вздернутой бровью.

— Так и будешь стоять, Фрей?

И это приводит меня в чувство.

Передо мной снова тот Алек, который выводил меня из себя. Его тон, выражение лица, умышленно опущенное мое имя, замененное на фамилию, которую он произнес с иронией в голосе.

Этот Алек был мне ближе.

Потому что с таким Алеком я уже научилась справляться.

Такому Алеку я уже могла противостоять.

И следующие два часа мы проводим с ним в библиотеке сидя рядом друг с другом. Алек все объяснял мне на пальцах, упрощал материал, приводил примеры, и по-настоящему увлекал меня. После первого часа занятий, мы уже облокотились друг о друга, соприкасаясь плечами, и уже никто из нас не шугался этого и не отстранялся. Мы сами не заметили, как перешли с одной темы на другую, нам было хорошо и комфортно. Никто не хотел уходить.

Но пришлось.

Изабель нашла нас ближе к полуночи, оповестив нас о том, что мне уже пора спать, а Алека ищет Ходж. Парень казался шокированным тем, сколько прошло времени, пока он занимался со мной.

Когда мы вышли из библиотеки, и Алек направился с Изабель к Ходжу, я продолжала стоять и смотреть им вслед.

Пока я смотрела, как удаляется фигура Алека, я поняла очень важную для себя вещь.

Я не хочу, чтобы этот человек уходил из моей жизни.

Я хочу, чтобы он был рядом.

Всегда.

— Вы хорошо смотрите вместе.

Отвечаю на провокацию Изабель, тяжелым взглядом.

— Алек, ну почему ты не скажешь ей?

— Иззи, прекрати.

Сестра резко хватается меня за локоть и поворачивает к себе. Я несколько поражен такому порыву с ее стороны. А уж ее прожигающий взгляд и вовсе не успокаивает.

— Она тебе нравится, Алек. И не ври мне. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо!

Я инстинктивно оглядываюсь, и неодобрительно сжав губы, завожу сестру за угол. Не хватало еще, чтобы нас кто-нибудь услышал.

— Какого черта, Изабель?! Не лезь в это!

— И почему же?!

— Потому что ты не права!

— Мы оба знаем, что я права, Алек! Ты просто боишься признаться в этом!

— Я не боюсь!

Изабель выдерживает мой яростный взгляд, и, когда мой запал уходит, смягчается и в утешающем жесте касается моей руки.

— Алек, ты ей нравишься. Уж поверь мне. Если я еще кого-то кроме тебя могу читать, как открытую книгу, то это Клэри. Почему ты не скажешь ей?

Покачав головой, отхожу на шаг, нервно запустив руку в волосы.

— Это длится уже год. И твои чувства к ней не уходят. Ты не сможешь разлюбить ее, Алек. Уже не сможешь.

Изабель. Почему ее слова всегда были как стрела в сердце?

Я знаю, что сестра права. Знаю! Но порой мне казалось, что если я признаю все вслух, то моя жизнь бесповоротно изменится, и я не был уверен, что в лучшую сторону. Я не боялся, я просто не знал, следует ли это делать. Все это казалось одной рискованной затеей. Но Изабель права, я не могу относиться к примитивной иначе. С каждым днем меня тянуло к ней сильнее.

— Из-за Джейса?

И Изабель снова попадает в цель. Потому что я не хотел снова терять его, пусть и получив при этом Клэри.

— В большей степени из-за него, — признаю я, отвернувшись от Иззи, — я не хочу снова потерять его. Не хочу, чтобы он снова срывался на Клэри. А этого не избежать, если мы с ней... если не перебором это....

— Алек... — Изабель обходит меня и встает прямо передо мной, мягко обнимая за плечи, — Джейс должен повзрослеть. Ты всегда выбирал его. Всегда. Пришло время и тебе стать эгоистом. Хватит делать то, что осчастливит других. Начни делать то, что осчастливит тебя. Потому что ты это заслужил, братец. Уже давно заслужил.

Провожу еще пару часов у Ходжа, обсудив с ним все детали предстоящей вылазки. Я даже обрадовался тому, что нас отправляют в Сиэтл, чтобы наладить связь с частью нежити, которая резко вышла из тени в этой области континента, и теперь помогала нам справиться с вампирами в Бруклине.

Да, Камилла создавала свою армию, и пусть Саймон и Рафаэль возглавляли свою, вмешиваться приходилось и нам. Много поменялось в сумеречном мире, и совместная работа вампиров и охотников была, наверное, одним из самых неожиданных изменений. Ходж и Мариза прекрасно понимали, что все хотят познакомиться с примитивной, которая, к тому же, славится тем, что нравится всем. Девчонка действительно как-то располагала всех к себе, и вся нежить почему-то отвечала ей теплой взаимностью. Мне кажется, даже Изабель в тайне завидовала этому качеству примитивной.

И я совру, если скажу, что не был рад покинуть Институт пусть и на такое небольшое время. Да, это мой дом. Но иногда полезно выходить из своей зоны комфорта и просто пожить для себя.

— Можно?

Я удивлен появлению Джейса в моей комнате, и кивнув ему, откладываю сумку, в которую пару секунд назад кидал свои вещи.

— Когда уезжаете?

Джейс ведет себя вполне мирно, и, кажется, вполне искренен.

— Завтра вечером.

Я отворачиваюсь, чтобы закинуть в сумку спортивный костюм, а Джейс тем временем подходит ближе и опускается на кровать. Парабатай, кажется, чем-то угнетён и этот виноватый огонек в глазах заставляет меня сесть рядом.

— Я снова накосячил.

— С Клэри.

Джейс, вздохнув, поворачивается ко мне.

— И с тобой.

Между нами словно заново образовалась та нить, которая когда-то казалась мне уже совсем потерянной. Джейс возвращался ко мне.

— Я не злюсь.

Джейс отворачивается.

— Ты никогда не злишься на меня. Это убивает меня еще больше! — Джейс проводит рукой по своим волосам и мученически опирается руками о свои колени, — Я просто... просто не хочу, чтобы ты думал, что мне все равно.

Джейс поднимает на меня виноватый взгляд.

— Мне не все равно, что происходит с тобой. В твоей жизни. Я просто запутался и не знаю как себя вести.

По-братски хлопаю его по спине, чувствуя, как что-то теплое разливается в моей обледеневшей душе.

— Из-за примитивной?

Джейс хмыкает.

— Не знаю, почему мне так хотелось держать ее на расстоянии от тебя. Не знаю, Алек. Наверно, просто боялся, что она поймет, что ты лучше и оставит меня.

— Неправда...

— Правда, Алек. Ты лучше меня. И глупо было надеяться, что Клэри не заметит этого.

— Джейс...

— Нет, я не виню тебя, Алек, — Джейс с улыбкой обнимает меня за плечи, и я вижу по его глазам, что он говорит искренне, — Я был идиотом, когда винил тебя и Клэри во всех своих неприятностях. Теперь я повзрослел. И обещаю справляться со своим эго.

Мы в унисон хмыкаем. Эго Джейса не знало границ, но то, что он первый пришел ко мне с этим разговором, уже о многом говорило.

Джейс действительно повзрослел.

— Прости, что так рьяно настраивал ее против тебя.

— Забыли.

Оба улыбаемся и киваем, подтверждая перемирие.

— Я думаю, вы неплохо проведете время.

Фыркнув, качаю головой и поднимаюсь с кровати.

— Или сорвем задание.

Джейс тихо смеется и поднимается вслед за мной.

— Джейс...

Я отзываю его, когда он уже стоит у двери. Парабатай останавливается и поворачивается ко мне, в то время как я одновременно с этим отворачиваюсь, уткнувшись тяжелым взглядом в свою сумку.

— Ты все еще ее любишь?

Джейс молчит, но не торопится уйти. Вместо этого он возвращается ко мне, отчего я только сильнее нервничаю. Я даже не смотрю на него, а лишь упираюсь взглядом в свои вспотевшие ладони. Трусливо готовлюсь к словесному удару.

— Да.

Я стараюсь не выдать своего отчаянья, которое вызвал его ответ, но когда парень касается моего плеча, я заставляю себя посмотреть на него.

— Как члена своей семьи, — коротко говорит Джейс, мягко мне улыбнувшись, — Не как девушку. Мне просто потребовалось слишком много времени, чтобы это принять.

После ухода Джейса я еще полчаса лежал на кровати с глупой улыбкой, наплевав на сборы.

Все налаживалось с парабатаем, и это не могло не радовать. Джейс наконец-то перестал отгораживаться и вспомнил о «семье». И то, что он причислил свои чувства к Клэри сюда, позволило мне выдохнуть за долгое время. Я не стоял на его пути. Он не стоял между мной и примитивной. Джейс просто... отошел в сторону.

А это значит... что я могу «подойти» к Фрэй?

«И да, Алек, — Джейс остановился у двери, с хитрецей во взгляде, подмигнув мне, — не налажай там с Фрэй. Найди в себе смелость проявить инициативу первым.

Когда я, нахмурившись, тихо пробурчал:

— Какую инициативу?

Джейс только рассмеялся и закрыл за собой двери»

Что врать, конечно, я понял, что он имел в виду. Я и Клэри, наедине, три-четыре дня, вдали от дома и всех насущных проблем и предрассудков. По правде говоря, я даже боялся, чем это все закончится, ибо рядом с Фрэй я терял контроль над собой и своими чувствами. Боюсь, что именно меня стоит опасаться в эти три дня.

Примитивная носилась по всему Институту, будучи восторженной от того, что Джейс пришел к ней с повинной, и что ее наконец-то навестил этот чокнутый Саймон. Их дружба вызывала уважение, я не спорю, но сам Саймон прилично нервировал. У парня был крайне нелепый вид, а его манера разговаривать только вызывала у меня вопрос относительно уровня его айкью, с которым, как ни странно, у него все было в порядке. Но этот юмор...

Саймон вел себя как ребенок. Всегда.

И, тем не менее, что Клэри, что Иззи, обе были от него без ума, греясь возле него, как возле яркого солнца. Ни я, ни Джейс, не разделяли их тяги к этому странному парню, но кто мы такие, чтобы судить их?

Да и в глубине души я понимал, что их так привлекает в нем. Ни я, ни Джейс не могли дать им какую-то душевную теплоту или мягкость. А Саймон мог. Он был добрым, открытым, из него не надо было ничего вытягивать, как из нас с Джейсом, он все рассказывал сам. Саймон умел разрядить обстановку, а не нагнетать ее, как мы с Джейсом, он всегда улыбался и обходил в разговоре острые углы, которые мы с Джейсом непременно задела бы. Саймон был простым. И это привлекало.

Порой даже я не мог противостоять этому клоуну, и издали посмеивался над его красноречием. По-доброму. Искренне.

У нас с Фрэй была тренировка и ни она, ни я не сочли нужным ее отменять.

Девушка влетела в зал с широкой улыбкой, явно предвкушая поездку и предчувствуя вкус свободы, которого ей так не хватало. Я заставил себя отвернуться, чтобы та не заметила мою улыбку, которую вызвала у меня своим появлением.

— Привет! — девушка предстала передо мной с безумно горящим взглядом, — Ты уже собрал вещи?

Киваю и приглашаю ее на ринг.

Фрэй снова пришла в этом коротком черном топе и обтягивающих темных штанах. Мне

стоило невероятных усилий заставлять себя не смотреть на ее голый живот и, тем более, открывшийся вид на грудь. А она словно специально сменила свою старую майку на это адское орудие и щеголяла так каждую тренировку. Да, по сравнению с Иззи она выглядела скромно. Но не для меня.

Мы начинаем с обычной разминки, после чего переходим к обрабатыванию базовых приемов. Восторженная Фрей занималась интенсивно, и каждый раз норовила разоблачить меня, потому что я не мог без улыбки смотреть на огненную шевелюру рядом с собой, которая была слишком возбуждена поездкой, чтобы не отвлекаться.

В конце концов, я без лишних усилий, перехватываю ее руку и, развернув ее, прижимаю к себе.

— Оплошала. Снова.

Я выдыхаю это ей в макушку, и аромат волос, который выбивал у меня из-под ног почву, и на этот раз не обошел меня стороной. Мне было сложно выдержать спокойный и непоколебимый тон тренера.

Клэри пытается вырваться, но я, лениво возведя глаза к потолку, только сильнее прижимаю ее к себе.

— Давай же, примитивная, как вырваться из этого захвата? Пошевели своими мозгами.

Я знаю, что Фрей злится, и сейчас яростно пыхтит, чтобы вырваться из моего захвата. Как Черч, если бы он был рыжим.

Но в какой-то момент я перестаю забавляться, потому что до меня приходит осознание того, в какой опасной близости мы находимся друг к другу. Я слишком остро чувствую ее разгоряченное тело, и то, что я держал ее чуть ниже, чем ее грудь, сейчас стало смущать меня, не говоря уже о ее трущейся возле меня заднице. Понимая, что мой мозг предательски отключается, я испуганно ослабляю хватку, что позволяет примитивной вырваться и развернуться ко мне лицом.

— Пошевелила! — так же восторженно говорит Фрэй, и пока я заторможен от того, что ее лицо так близко, девушка молниеносно сносит меня, и через секунду я уже лежу прижатый ею к полу.

— Какой прекрасный день, да? — ослепительно улыбаясь, говорит Клэри, — Сам Александр Лайтвуд оказался подо мной.

Я понимаю, что она говорит о том, что наконец-то свалила меня с ног, но я-то нахожу в этом другую иронию. Только усугубляющую мое положение. Фрэй тяжело дышит и ее грудь слишком часто опускается и поднимается, в то время как моя слишком синхронно повторяет за ней. Девушка крепко держит меня за запястья, хотя ей это дается с трудом, ведь мои руки намного больше и шире, чем миниатюрные руки Фрэй. Ее лицо склонилось над моим в паре сантиметров, и выпавшая из ее хвоста широкая рыжая прядь волос касалась моего лица, словно закрывая нас с Фрэй от внешнего мира.

Ее тело крепко прижато к моему, все как я и учил ее. Но я не думал, что буду на этом месте, и понятное дело, не знал, что буду испытывать, когда окажусь в такой ситуации.

— Ты определенно запомнишь этот день как один из лучших, да, Фрэй?

Предательская хрипотца в моем голосе пугает меня лишь на секунду. Потому что Клэри смеется и ее лицо оказывается еще ближе.

— Определенно, Алек.

Мы в унисон хмыкаем, а потом я перестаю следить за ситуацией. Я опускаю взгляд. И глядя на то, как вспотевшая мокрая грудь Фрэй опадает и поднимается, чувствую, как

предательски реагирует мое тело. Девушка тоже кажется по-новому оценивает сложившуюся ситуацию, и не отводит тяжелого взгляда от моих губ. Слишком долго, чтобы это считать случайностью. Она дышит еще тяжелее, и так как мой разум окончательно пал перед ней, я пользуюсь тем, что ее хватка ослабла в силу того, что она отвлеклась на меня. Поэтому я лишь нагло улыбаюсь ей, после чего переворачиваю нас и теперь прижатой к полу оказывается Фрэй.

— Неплохо, примитивная. Очень, неплохо.

Фрэй, поняв, что вместо того, чтобы «ликвидировать» меня — отвлеклась, хмурится.

— Ты был бы уже труп, будь в моих руках клинок.

Усмехнувшись, киваю.

— Но его нет, верно? Однако повторяюсь, очень неплохо, Фрэй.

Девчонка пытается сдержать улыбку, но, в конце концов, она предательски расплзается по ее лицу.

— Сегодня определенно прекрасный день, — выдыхает девушка, ослепительно улыбаясь.

Наклонившись к ней еще ближе, так, что наши лица оказываются совсем близко друг к другу, крепче сжимаю ее запястья, надавив своим телом на Фрэй. Глаза девушки предательски расширяются, поджигая в них необузданный дикий огонь.

— Еще бы. Ты не только уложила меня на лопатки, но и дождалась от меня редкой похвалы. Да, Фрэй?

Я слишком мягок сейчас и впервые за долгое время позволяю себе такой наглый флирт и, черт возьми, дерзость. Но Фрэй кажется вполне счастливой от того, что я снял с себя маску и позволяю себе повеселиться в этот момент.

— Как много тех, кто смог уложить тебя?

Да почти никого?

Я молчу, но после того, как я усмехаюсь, Фрэй улыбается еще шире.

— Вот видишь. Поверь, я еще долго буду вспоминать тот момент, когда прижала тебя к полу, — Фрэй хрипло вздыхает, и я инстинктивно опускаю взгляд на вздымающуюся подо мной девичью грудь.

Я снова упускаю тот момент, когда ситуация перестаёт быть безопасной. Я потрясен чувствами, которые во мне вызывает ее близость, я буквально горю от желания коснуться губ примитивной. Пугаю себя той жаждой, которая душит меня, стоит мне вдохнуть ее запах. Ее тело такое же разгоряченное, как мое, и в совокупности с ее прерывистым дыханием, мне практически сносит крышу.

— Не то, чтобы я против того, что вижу, но не покажись ты на глаза своей матери через пять минут, боюсь она сама спустится сюда и тогда ситуация станет более неловкой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ворвавшийся к нам в подсознание веселый голос Ходжа, возвращает в реальность, и мы с Фрэй испуганно переводит взгляды с губ на глаза. Я встаю слишком резко и помогаю подняться Фрей, несмотря на нее и все еще предательски смущаясь.

Ходж, кажется, от души забавляется тем, в какую ситуацию нас поставил, а я, метнув быстрый взгляд на часы, понимаю, что наша с Фрэй тренировка окончилась полчаса назад. Однако когда я бросаю случайный взгляд на примитивную, чтобы оценить ее реакцию, я едва не смеюсь, когда та прожигает Ходжа яростным взглядом.

Наверно только это заставляет меня не возвращаться к тому «холодному Алеку»,

который сделал бы вид, что ничего не случилось.

Поэтому, я, хмыкнув, лишь толкаю Фрэй вперед, положив руку ей на спину.

— Давай, примитивная, шевелись. Иначе моя мать будет в состоянии отсрочить наш вылет, когда начнет читать мне нотации.

9: Клэри

— Паспорта?

— Взял.

— А билеты проверил?

— Да.

— Алек, ты точно ничего не забыл?

— Нет.

— Уверен?

— Ты спрашиваешь меня об этом в пятый раз. Повторяю: нет, я ничего не забыл.

— А...

— Боже мой, Клэри! Ради всех ангелов, перестань задавать эти тупые вопросы!

Наше такси останавливается на парковке у здания аэропорта, и Алек довольно стремительно покидает салон авто, словно пытается сбежать от меня. Ну да, я несколько нервничала, и поэтому завалила парня сотней однотипных вопросов. Но я была слишком взбудоражена тем, что мы с ним наконец-то на свободе. Вне Института и всего дурдома, что там всегда происходит.

Алек берет наши сумки и мне приходится подстраиваться под его широкий шаг, чтобы не отставать. Алек же нисколько не утруждает себя тем, чтобы подстроиться под мой. Наоборот, он словно специально идет так быстро.

— Ты взял документы?

Алек разве что не рычит.

— ДА!

Виновато затыкаюсь, и пару минут стоим в очереди молча. Но потом я замечаю в помещении аэропорта расхаживающего пончика, который, видимо, таким образом, анонсировал новое кафе в здании аэропорта.

— Смотри!

Алек посмотрел на меня своим тяжелым взглядом снизу-вверх.

— Да туда, смотри! — я глупо улыбаюсь и толкаю парня в сторону расхаживающего пончика, но, кажется, Алек не видит в этом ничего милого.

— Уродливый розовый пончик в здании аэропорта. Это все? Или ты хотела показать мне что-то еще?

Закатив глаза, отворачиваюсь от парня, как и он от меня.

Очередь стремительно сокращается и, когда приходит наше время регистрироваться, я снова открываю рот, чтобы спросить парня про документы, но тот опережает меня тем, что взяв меня за талию, отводит меня за себя, намекая на то, чтобы я не мешала ему.

Учитывая, что воспоминания о нашей тренировке, когда я едва не притянула его к себе, чтобы поцеловать, были еще слишком свежи, я молча отступаю, позволяя Алеку все сделать самому. Мое волнение и ненужное беспокойство обуславливались и тем, что я боялась того, что между нами повиснет напряженная тишина, связанная с тем, что мы позволили себе в спортзале. Я никогда не позволяла себе такой наглости, а Алек, тем более, не позволял себе со мной такого мальчишеского озорства. Это был почти что флирт и клянусь, это было намного интимнее, чем что-либо в моей жизни.

Я все с ужасом ждала, когда вернется прежний холодный Алек, но он все не появлялся. Это успокаивало и волновало одновременно.

Мы располагаемся в зале ожидания и меня прорывает, ибо я начинаю высказывать Алеку весь свой восторг от того, что мы наконец-то куда-то поехали. Парень многострадальчески подпирает рукой лоб, опустив стеклянный взгляд в пол.

— Алек, а мы ходим сюда? — я сую ему в лицо планшет, с открытой вкладкой про достопримечательности Сиэтла.

Да, я не собиралась терять время впустую, а собиралась по максимуму использовать наш с Алеком «отпуск». Я просто обязана выгнать Алека из отеля и заставить его посмотреть город. Если у меня это не получится, я проспорю Джейсу и Иззи приличную сумму денег.

— Да, — сухо отвечает Алек, даже не посмотрев на экран.

— А сюда?

— Да.

— И еще давай заглянем вот сюда! Я давно мечтала посетить этот магазин! Ты не представляешь, что там продается! Это рай для художника!

Алек проводит рукой по лицу, и, тяжело вздохнув, снова возвращает ее на подлокотник.

Когда нам сообщают, что наш рейс отложили, я расстраиваюсь не так сильно, как Алек, потому что парень разве что не взвыл, когда перевел взгляд с часов на меня. Да, видимо он уже устал от моей болтовни. Но, черт возьми, что я могла сделать? Я сваливала из Института вместе с Алеком на три дня! И это был как подарок на День Рождения!

— Я схожу возьму кофе, — пробурчал Алек, за секунду до того, как я открыла рот, чтобы показать ему что-то в интернете.

Алек нервно поднялся и разве что не бегом пошел в сторону кафе.

Проводив парня взглядом, я не сдержала глупой улыбки. Алек такой Алек.

Алека нет уже двадцать минут, и я, начав нервничать, отхожу от окна, в котором рассматривала сгущающиеся сумерки и взлетные полосы, и, вернувшись на место, нервно оглядываюсь по сторонам, пока не вижу идущего в мою сторону парня с кипой журналов.

Алек опускается рядом и протягивает мне стопку журналов.

— Вот, чтобы ты не скучала.

С восторгом принимаю журналы, понимая, что парень просто хотел отвлечь меня от разговоров, наивно полагая, что я погружусь в молчаливое чтение. Но я оценила его тонкий жест и, когда он протягивает мне кофе, с благодарностью во взгляде широко улыбаюсь ему.

Алек сразу смущается и, опустив взгляд на часы, только тихо вздыхает.

Спустя час мы узнаем, что наш рейс снова задерживают из-за непогоды в Сиэтле, поэтому мы с парнем уже вальяжно расселись на сидении, сложив куртки и рюкзаки на свободное место рядом с нами.

Алек выглядел откровенно уставшим, потому что измученно подпирал спинку сидения, выставив в проход свои длинные ноги. Алек был слишком большим и высоким для того, чтобы ютиться в таких неудобных сидениях в зале ожидания. И он уже не стонал, когда я читала ему вслух какую-то новость из журнала, наоборот, он с интересом слушал и даже комментировал какие-то темы, вызывая у меня улыбку своим отточенным сарказмом.

— Ты куда?

Алек беспокойно оттолкнулся от спинки сидения и вперил в меня взволнованный взгляд.

Закатив глаза, с улыбкой отвечаю:

— Припудрить носик, Алек. И дать тебе пару минут отдохнуть от меня.

Парень снова облакачивается о спинку сидения и кивает мне, разрешая покинуть его. Усмехнувшись, оставляю его и двигаюсь в сторону туалета. После чего заглядываю в пиццерию и покупаю нам с Алеком пиццу, картошку фри и салат. Я прекрасно знала, что Алек не ел с обеда, и, зная, как он любит поесть, понимала, что он голоден. И кофе его точно не насытило. Параллельно с этим нахожу магазин с конфетами и выбираю вкусный мармелад, желая добить себя вредностью пищи.

Возвращаюсь в зал к Алеку и сразу хмурюсь. Возле него отшивается какая-то блондинка, и судя по тому, как нервно и испуганно Алек оглядывается по сторонам, она явно не составляет ему «приятную компанию». Чувствую себя бронепоездом, который готов снести с пути эту девчонку, ибо выгравшая во мне ревность в отношении Алека, уже предвещала скандал.

— Вы точно не хотите выпить со мной?

Противный голос этой блондинки нехило так раздражал, и пока я протаскивалась через ряды с пакетами в руках, я уже успела оценить, что сидящая напротив Алека пожилая женщина, с которой я любезно поделилась парой журналов, сейчас негодуяюще смотрела на девушку. Видимо, она считала невероятной наглостью так клеиться к парню, возле которого лежит определенно женский рюкзак. Но, кажется, блондинку это совсем не волновало.

— Нет, я же вам уже сказал. Я не один.

— А с кем вы?

— С девушкой!

Мой грозный голос напугал Алека, который не заметил меня, так как пытался отделаться от назойливой девушки, которая сразу оборачивается ко мне.

— С девушкой? — иронично переспрашивает блондинка, пройдя по мне оценивающим взглядом.

Алек сразу поднимается и с каким-то облегчением выдыхает, когда видит за ее спиной меня. Я недоуменно поднимаю брови, молча спрашивая, что тут происходит, и Алек сразу встает рядом со мной, забирая из моих рук пакеты с едой.

— Это моя невеста.

Я довольно нелепо столбенею, ибо эти слова заставляют все внутри меня болезненно сжаться. Алек обнимает меня за талию, притягивая к себе. Что ж. Я послушно льну к нему, дерзко выгнув бровь, когда встречаюсь взглядом с блондинкой.

— И вам лучше уйти, потому что я прилично раздражен, чтобы и дальше вести себя по отношению к вам без агрессии.

Ледяной тон Алека отрезвляет девушку, и та, закатив глаза, спешит покинуть нас, виляя своими бедрами так, словно шла по подиуму, а не по узкому проходу между скамьями.

— Милая девушка, — едко шиплю я, а парень усаживает меня на скамью.

— Где ты, черт возьми, пропадала?! Я стал волноваться!

Алек начинает ворчать, а я умиляюсь тому, что бедняга ждал моего появления.

— Купила тебе поесть.

Алек, как раз, заглядывавший в пакет, повернулся ко мне, и я снова попала под обаяние этих почти синих глаз.

— Ты ничего не ел с самого обеда, я решила, что ты проголодался.

Несколько смутившись того, что он так пристально разглядывал меня, видимо не

ожидая, что я решу о нем позаботиться, опускаю глаза в пол и подпираю ноги под себя.

Алек все еще молчит, но когда я снова к нему поворачиваюсь, чтобы взять из пакета и часть своей еды, парень все еще смотрит на меня.

— Что ты так смотришь? — нервно выдыхаю я, а Алек, словно опомнившись, трясет головой, после чего дарит мне редкую теплую улыбку.

— Спасибо, Клэри.

Ангелы! Он назвал меня по имени!

Я так же широко улыбаюсь ему в ответ. Мысленно поражаясь тому, как много для меня это значит. Как мне тепло рядом с ним.

Я впервые смело признала, что действительно влюбилась у него.

Уже очень давно.

И игнорировать это у меня больше не получается...

Мы с Алеком довольно быстро разделались с пиццей, и парень наконец-то расслабился. Алек почти шутил, немного улыбался и проявлял свой сарказм относительно моего обжорства мармеладом. Каждый раз, когда наши руки соприкасались в борьбе за лакомство, я чувствовала мощнейший электрический разряд, и мне стоило невероятных усилий не переплести с ним свои пальцы.

Я уже спокойно облокотилась о плечо парня, показывая ему в журнале очередные истории, вызывавшие у меня какую-то реакцию. Парень только вздыхал и мужественно сносил мое красноречие.

Так как наш рейс отложили еще на сорок минут, я уже начинала чувствовать раздражение и усталость. Алек, сдерживая смех, выгуливал меня по залу ожидания, как собаку, понимая, что моя энергия на исходе, и всячески старался снизить градус моего раздражения, показывая мне самолеты или просто покупая мне мармелад. В конце концов, когда мы вернулись на свои места, мы разговорились с той пожилой женщиной, которая сидела все это время напротив нас. Она поблагодарила меня за предоставленные ей журналы и как-то слово за слово, мы вышли на разговор.

Сначала с ней болтала только я, но когда усталость и сонливость начинали одолевать меня, я облокотилась о спинку сидения в попытке вздремнуть. Но мне было крайне неудобно, и я утихомирилась, только когда Алек предложил мне свое плечо.

— Не смотри так, Фрэй. Но я не выдержу, если ты еще раз сменишь позу и толкнешь меня при этом.

Мне не нужно было повторять дважды и, наплевав на смущение, я послушно уткнулась головой в его плечо, подобрав под себя ноги.

— Вот они — плюсы маленького роста, — устало бормочу я, когда он хмыкает, — я могу поместиться на этом железном сидении в ожидании своего рейса. А вот тебе придется мучиться со своими габаритами еще час.

Парень лишь фыркает и дальше слушает женщину, которая уже всю рассказывает ему о своей молодости.

— Кем ты работаешь?

Алек теряется, когда женщина задает ему этот вопрос. Поведать ей о сумеречном мире явно не кажется ему правильным, и его молчание становится слишком долгим. Приходится выручать парня. Все еще облачиваясь об него, не открывая глаз, тихо бормочу:

— Он спасатель.

Женщина восторженно охает.

Алек пытается вывернуться из этой ситуации, явно чувствуя себя неловко.

— Ну, не то, чтобы...

— Алек просто скромный, — снова перебиваю его я, так и не открывая глаза, лишь сильнее поджимая под себя ноги. — Но он спас уже не одну жизнь мирного человека и продолжает бороться со злом.

Алек тихо вдыхает мое имя, качая головой, но женщина съела мой комментарий, даже не поперхнувшись, и уже высказывает парню свой восторг и уважение.

— Такой молодой, красивый парень и такая опасная профессия.

— А что делать? — снова сонно встречаю я, и на этот раз Алек уже приглушенно смеется. — Кто-то же должен спасать мир?

И Алек идеально подходит для этой роли. Ну, кто если не он? Александр Лайтвуд — супергерой, и я горжусь тем, что этот герой мой персональный тренер. И объект воздыхания, что уж там.

— Как скоро у вас свадьба?

Этого было достаточно, чтобы я резко расхотела спать, и, широко распахнув глаза, оторопело посмотрела на женщину.

Тело Алека после этого вопроса из расслабленного и умиротворенно, стало напряженным, и словно готовым обороняться. И я его понимала. Очень хорошо понимала.

— Простите? — как-то хрипло переспросил Алек, сразу как я поднялась с его плеча.

Женщина довольно скромно улыбается нам, видимо смутившись нашей реакции.

— Просто ты представил Клариссу как свою невесту, когда та вертихвостка хотела познакомиться с тобой, — словно оправдывается женщина, и, вспомнив этот момент, я снова расслабляюсь и, усмехнувшись, облакачиваюсь о сидение так, чтобы уже не лежать на Алеке, но все равно упираться рукой о его руку. Глупо было избегать контакта с ним, когда он был рядом. Я итак много в чем себе отказывала по отношению к нему.

— О, еще не знаем, мы не можем определиться с цветовой гаммой, — спокойно отвечаю я, — Алек у меня человек творческий, хочет, чтобы все было в золотой гамме, а я все-таки консерватор в этом отношении, и больше склоняюсь к традиционному белому.

Женщина смеется, качая головой, а я встречаю ледяной взгляд Лайтвуда.

Ну, а что?

Это было довольно весело. Надо же хоть как-то развлекать себя, пока отложен наш рейс. А подбешивать парня своим юмором я любила всегда. Особенно когда что-то касалось мира примитивных и мира сумеречных охотников, ибо я всегда отстаивала права первых. То, что у охотников на свадебную церемонию принята золотая цветовая гамма, несколько удручало меня, ибо я считала, что это слишком пафосно. Вот традиционный белый цвет был мне по душе.

— Золотой? — тихо смеясь, переспрашивает женщина, с озорством глядя на Алека, который заметно смущается и раздражается одновременно. Лайтвуд сразу меняет тему, при этом несколько раз бросив на меня неодобрительный взгляд. Все как в старые добрые времена.

Наконец-то приходит время регистрации нашего рейса, и мы все довольно измученно, но с долей заметного облегчения, движемся по траппу и рассаживаемся в салоне самолета.

Алек снова тяжело вздыхает, когда усаживается на узком сидении.

— Что за адское место? — ворчит парень, пытаюсь удобно устроиться, не сломав при этом свои ноги, которые в силу роста Алека, сейчас мешали ему.

— Мир примитивных больше расположен к миниатюрным созданиям, Алек, — фыркаю я, помогая ему с ремнем безопасности. — Добро пожаловать в мой мир. Уверенна, ты будешь от него в восторге.

Парень раздраженно закатывает глаза, и, наконец-то устроившись на узком сидении, закрепляет ремень.

— Ты сегодня в ударе или что? — шипит парень, наклонившись в мою сторону, — Твои шутки уже прилично нервируют, Фрэй!

Я только тихо смеюсь и поворачиваюсь к иллюминатору.

Алек ворчит на протяжении всей рассадки, а когда стюардесса перед нами рассказывает о мерах безопасности, Алек не отводит от нее взгляда, запоминая все, что она говорит. Он крутит головой, чтобы оценить все запасные выходы, переводит взгляд наверх, откуда должны выпасть кислородные маски, проверяет, чтобы я была пристегнута так же, как и он, и это вызывает у меня улыбку. Алек такой Алек. Пока он не проверит все запасные варианты, не уточнит все детали, он не успокоится и не расслабится. Его ответственность порой зашкаливала, но все понимали, что с этим бороться бесполезно.

— Переживаешь?

Алек зло поворачивается ко мне и его взгляд темнеет, когда он видит на моем лице застенчивую улыбку.

— Я. НЕ. Переживаю, — сухо парирует парень и отворачивается.

Но вместо того, чтобы отстать от него, я наклоняюсь ближе.

— Иззи сказала, что ты раньше никогда не летал.

Алек шумно выдыхает, многострадальчески возведя глаза к потолку.

— Это не страшно, не переживай так, Алек. Ты весь как на иголках, — я застенчиво поглаживаю его по плечу, — тебе еще даже понравится.

Алек нервно одергивает плечо, и одаривает тучного мужчину, сидящего с другой стороны от него, грозным взглядом, когда тот просит Алека подвинуться.

— Здесь некуда двигаться, — сохраняя ледяное спокойствие в голосе, отвечает Алек, но мужчина все равно с ним не согласен.

— Пододвиньте свои ноги, молодой человек.

— Может, лучше поменяемся местами? Потому что единственное место, куда я могу подвинуть свои ноги, это проход.

Я сразу напрягаюсь. Нет. Если Алек пересядет, я пересяду вслед за ним.

В итоге, пока эти двое оттачивают друг на друге вредность и сопротивление, я ищу взглядом стюардессу, и когда она проходит мимо, разруливаю конфликт за пару секунд, прося девушку пересадить мужчину или нас с Алеком на другое место, пользуясь тем, что салон самолета заполнен лишь на 75 %. И как только этого вредного тучного мужчину отсаживают от нас, пересадив его в бизнес-класс, я победно хлопаю Алека по плечу.

— И не благодари.

Алек просто качает головой, и в следующую минуту самолет начинает движение. Все то время, что мы взлетали, Алек практически не дышал, глядя прямо перед собой. Понимая, что все это для него приличный стресс, я кладу свою руку поверх его, пусть и выше чем ладонь. Алек не делает попытки сбросить ее.

Самолет наконец-то выравнивается, и все спокойно вздыхают, в особенности Алек.

Он держится ровно тридцать минут, разглядывая кресло перед собой, но сонливость берет вверх, и, пользуясь тем, что одно кресло рядом с нами свободно, он расстегивает ремень и располагается уже более удобно.

Я только улыбаюсь, когда голова заснувшего Алека падает мне на плечо. Я лишь поворачиваюсь вполоборота лицом к проходу, так, чтобы Алеку было удобней опираться на меня. И парень неосознанно кладет мне на ноги свою руку. Уже с глупой улыбкой облакачиваюсь о свое сидение так, чтобы Алек удобно лежал на моем плече.

И все то время, что мы летим, я почти не смыкаю глаз. Стараясь запомнить этот момент и прожить его на максимум.

В какой-то момент даже не удерживаюсь от того, чтобы вытянуть за спиной Алека свою

затекшую руку, и получается так, что я его обнимаю.

Тихий, мирный, спящий Алек был таким милым, что моя улыбка не сходила с лица весь полет.

Черт, да я была на седьмом небе от счастья.

Я сразу понял, что лежу на Фрэй.

Смущено осознаю, что все-таки заснул, да еще и лег всем весом на девчонку. Клэри облокотилась спиной о стенку, позволяя мне навалиться на нее. Видимо, во сне я неосознанно обнял ее за талию, и не моя вина, что рука за время сна опустилась на ее бедро, а спящая Фрэй обнимала меня за плечо.

Наверно поэтому я так хорошо спал.

Мне было тепло, потому что меня обнимали, и мне было спокойно, потому что, подмяв под себя Фрэй, можно было не волноваться, что она сбежит или потеряется.

Я поднимаюсь, смущенно отведя глаза, когда встречаю взгляд сидящей напротив нас старушки, которая, видимо, умилялась происходящему. Стюардесса как раз сообщает, что самолет готовится к посадке, и сразу после того, как я потягиваюсь, хрустнув костями, я торможу заснувшую Фрэй.

— Фрэй.

Я улыбаюсь, когда примитивная сквозь дремоту бормочет: «Алек, спи».

— Фрэй, мы садимся.

Я легонько торможу девчонку, и, как только зеленые глаза Фрэй открываются, меня пронзает какое-то странное чувство. Мне не хочется выпускать ее. Мне не хочется выходить из самолета. Мне хотелось и дальше сидеть вот так, рядом с ней. Чувствовать ее рядом.

— Уже прилетели?

Клэри поднимается после моего кивка, и когда выпрямляется в кресле, застегнув ремень, начинает поправлять спутавшиеся волосы и одежду. Я только улыбаюсь, когда слышу ее ворчание относительно непослушания ее волос.

— Извини, что навалился на тебя.

Клэри перестает ворчать, когда я наклоняюсь к ней. Она даже нервно дергается, потому что, повернувшись ко мне слишком резко, она едва не касается моего носа своим. Только вот предательский румянец сдает ее с потрохами, объясняя мне, что эта реакция вызвана совсем не тем, что я не должен был вторгаться в ее личное пространство. Очевидно, Фрэй краснела именно потому, что, ей нравилось это вторжение.

Как и мне.

Только вот свои эмоции я контролировал намного лучше.

— Ничего страшного, Алек. Ты устал, я все понимаю.

Самолет начинает снижаться, и я снова напрягаюсь. Это был мой первый полет, и, честно говоря, путешествовать через порталы мне нравилось больше. Этот же вид транспорта «примитивных» не внушал мне доверия.

Когда Клэри уже в тысячный раз просит меня повернуть к ней голову, я перестаю огрызаться и повинуюсь. И не жалею об этом. Девушка хотела показать мне вид из окна и, черт возьми, это было действительно потрясающе. Ночной Сиэтл освещали тысячи фонарей, что создавало живописную картину. На это время я даже забыл о своем дискомфорте.

Фрэй, конечно, этого и добивалась.

Поэтому, когда я понимаю, почему она так улыбается, я хмурюсь и отворачиваюсь.

Мы довольно быстро получаем багаж, и я не могу сдержать самодовольной ухмылки

каждый раз, когда рыжая шевелюра Фрэй маячит передо мной, ужасаясь количеству примитивных в здании аэропорта. Фрэй все время боялась упустить меня из виду, поэтому, чтобы не потеряться, она крепко вцепилась в ручку сумки, которую я нес на плече. Она вела себя как ребенок, который не хотел признавать, что он легко потеряется здесь, если отпустить его руку.

Это умиляло.

Но я, конечно, не подавал виду.

Мы взяли такси и всю дорогу до отеля Фрэй болтала по телефону с моей сестрой буквально в деталях рассказывая ей, чем мы занимались в аэропорту пока ждали рейс, как я перенес перелет, и каковы наши с ней впечатления от поездки. Конечно, сестре первым позвонил я, ибо я прекрасно знаю, что сестра беспокоится. Иззи знает, как я отношусь к миру примитивных, и понимала как некомфортно я буду себя ощущать. Но было смешно то, что я все обсудил с Иззи буквально минут за пять, но как только передал трубку примитивной, они с Иззи затянулись на сорок минут. Попутно Фрэй могла разговаривать не только с Иззи, но и со мной, одновременно с этим рассматривая вид за окном и указывая мне на какие-то вещи, которые, по ее мнению, достойны моего внимания.

Раньше это всегда раздражало, но сегодня, даже будучи уставшим и напряженным, я не испытывал к ней какого-то пренебрежения. Это было как-то правильно для нее.

И было приятно видеть, что она так близка с Иззи.

У сестры никогда не было подруг, она все детство провела среди парней, пусть это были и мы с Джейсом. А вот с Клэри они быстро нашли общий язык, несмотря на то, что этого никто от них не ждал. Особенно я.

— Иззи, целую! Передавай привет Саймону!

Фрэй мрачно посмотрела на меня, когда я с надменным взглядом выхватил у нее телефон.

Я лишь веду плечом.

— Иначе, ты бы еще час разговаривала с ней, обсуждая какую-то чушь.

Фрэй сразу оборонительно складывает руки на груди, вздернув подбородок вверх.

— Это не чушь!

Я только вздыхаю.

— Ага.

Слава богу, мы подъехали к отелю, который нам «предоставили» сторонники Марка, с которым мы и приехали наладить общение. Марк вел за собой приличную армию фейри, отстранённых в свое время от жизни во дворе, и даже ряд магов, которые пусть и не были так сильны как наш Магнус, но в совокупности могли творить те еще чудеса.

То, что они вышли из тени впервые за сотню лет, чтобы добровольно сотрудничать с нами и дать отпор Камилле, не могло не ввести всех охотников в шок. Мы привыкли, что всех надо... уговаривать.

Марк обладал большой властью в своих кругах, и нам была понятна его осторожность. Он хотел познакомиться с нами ближе, прежде чем полностью стать частью нашего мира. И желание его людей увидеть Фрэй тоже не удивило нас, это было ожидаемо. Вполне возможно, что они и вышли из тени только для того, чтобы защитить Фрэй. Потому что все возлагали на нее большие надежды. Многие считали, что именно она перевернет устоявшийся уклад в отношении между мирами и сможет объединить всех на благо одного дела. Кто-то считал, что девчонка должна в будущем представлять собой главу Института,

потому что они видели в ней нового лидера и нового героя.

Я не особо вникал в эти вещи, но в отличии от Джейса, все же прислушивался к ним.

Мы все понимали, что Фрэй особенная.

А значит, мне еще не раз предстоит защищать эту рыжую шевелюру.

— Вы возьмете два одноместных номера?

Фрэй кивает администратору, вклинившись между нами, но я качаю головой, и устало отодвигаю ее от стойки.

— Нет.

Администратор перестает смотреть в монитор, и оба, вместе с недоуменной Фрэй, переводят на меня вопросительный взгляд.

— Мы берем один люкс.

Пока администратор вписывает наши данные в компьютер, красная Фрэй тормозит меня, дергая за рукав.

— Люкс?!

Я фыркаю, уловив в ее тоне недовольство.

— Проблемы?

Фрэй, поджала губы, и неодобрительно сверкнула глазами.

— Мы что, будем жить в одном номере?!

— Ага.

Ее мой ироничный тон только сильнее заводил, и вот, передо мной взбешённый ворчливый рыжий кот. Ну ладно. Кошка.

— Ты уверен, что это хорошая идея?!

Скажу больше: я считаю, что это потрясающая идея! Я могу лицезреть Фрэй каждую минуту, и буду спать спокойно, зная, что она не сбежит, и что в любой момент я смогу защитить ее. Мне будет спокойней, если она всегда будет где-то под боком.

— Что тебе так не нравится, Фрэй? Боишься, что начнешь приставать ко мне?

Фрэй задыхается от возмущения, стыда и смущения одновременно.

Я только усмехаюсь.

Ее «Алек!», которое она, практически, прошипела, можно было перевести как «Ты идиот?».

— Я не буду к тебе приставать!

Снова хмыкаю и, взяв протянутые нам ключи от номера, беру сумки и толкаю Фрэй к лестнице.

Правильно, Фрэй.

Ты не будешь.

Потому что, похоже, этим заниматься буду я.

В номере было две больших комнаты, кухня и гостиная с домашним кинотеатром. Меня роскошь отеля и номера не столько восхищала, сколько раздражала, потому что я не привык к такой обстановке вокруг себя.

Сразу как мы оказались в номере, мы с Фрэй быстро разобрали комнаты, и если девушка выбрала белоснежную спальню, то я был рад тому, что мне досталась спальня в темно-синих тонах. Спальня примитивной была напротив моей, и все, что нас разделяло, это совсем небольшой холл, ведущий в гостиную. Фрэй все еще была смущена и практически сразу закрылась у себя в спальне. Я был даже рад какому-то уединению, потому что мозги рядом с примитивной переставали служить мне верой и правдой.

Поэтому, полночи я просто провел сидя на диване, вглядываясь в панорамное окно гостиной, где под нами расстился огромный Сиэтл, впечатляющий в это темное время суток своими огнями и красками. Это... завораживало.

Я чувствовал себя полным идиотом от того, что не могу контролировать себя рядом с Клэри, и меня все еще пугала глубина моих чувств. Даже не помню, когда эта маленькая девочка перестала быть для меня запретной территорией. В какой момент я оступился? Как позволил этому случиться?

Я заснул только под утро, с ощущением полной капитуляции перед Фрэй.

Был только один недостаток у этого шикарного номера. Один — но довольно существенный.

Здесь была одна общая ванная.

— Фрэй! Освободи эту чертову ванную!

Я тарабанил в дверь ванной уже около часа, но примитивная словно специально, задерживалась там дольше, чем на обещанные «десять минут».

— Еще чуть-чуть, Алек!

Снова стучу в дверь.

— Фрэй! Я хочу в душ!

— Алек, еще пять минут!

— Ты повторяешь это уже час!

— Алек, я сушу волосы!

Я практически зарычал.

— ФРЭЙ!

Шум наконец-то исчез и вскоре раздраженная, но все же испуганная моей реакцией, Фрэй выглянула из-за двери.

— Алек, ну что ты...

Я не дал ей договорить, просто распахнул дверь и выволок сопротивляющуюся Фрэй из комнаты.

Но я не рассчитал, что Фрэй начнет применять против меня мои же приемы. Она ловко вывернулась и успела вцепиться в ручку двери ванной комнаты.

— Алек, мне нужно досушить волосы!

— Тебе нужно уже одеваться! — снова проорал я, пытаюсь оттащить Фрэй, не сделав ей больно.

— Алек, не торопи меня!

Не торопи?! Она так шутит?!

— Черт возьми, Клэри!

Я понимаю, что состязаться с Фрэй бесполезно, особенно учитывая то, что она была передо мной в длинной футболке, спадающей с одного плеча, и совсем уж коротких шортах, поэтому прорычав от безысходности и очередного влечения к ней, я затолкнул непонимающую Фрэй обратно в ванную и зашел следом. Закрыв за нами дверь, я подтолкнул девчонку, и, пройдя мимо нее, включил душ, отрегулировав горячую воду.

— Вот видишь, проблемы решаемы...

Фрэй осекается на полуслове, когда я встаю напротив нее и начинаю раздеваться.

— Что ты...

Девчонка не знает, возмущаться ей или смущаться, так как испытывает оба этих чувства, но я слишком долго ждал очередь в этот чертов душ. И раз она не хочет уходить по-хорошему, я заставляю ее освободить помещение по-плохому.

— Я собираюсь принять душ, — прошипел я, кинув ей свою футболку.

Фрэй замерла и ошарашено смотрела мне в глаза, пока я не избавился от этой футболки. Ее глаза слишком резко метнулись к моему прессу, после чего истерично взмыли вверх, снова к моим глазам. И следующие тридцать секунд ее глаза повторяли этот сценарий, пока я не положил руку на свой ремень.

— Ты что творишь?!

Если Фрэй хотела сказать это возмущенно, то у нее не получилось. А ее осипший голос выбил из меня весь воздух. Она снова краснела, и теперь я уже понимал, когда она краснеет от гнева или раздражения, а когда от смущения. В последнее время, она краснела при мне очень часто, особенно на тренировках. И мне было слишком лестно понять, что она реагирует так из-за нашей близости, или того, как я выгляжу. Сейчас, стоя перед ней в одних штанах, я понял, что мне нравится, как она против своей воли рассматривает мое тело. Я понял, что мне нравится видеть ее такой смущенной. Мне нравится побуждать у нее этот голодный дикий блеск в зеленых глазах. Потому что наконец-то я мог отыгаться за то, что она делает тоже самое со мной.

Тяжело сглотнув, я, не отведя от нее тяжелого взгляда, начинаю растягивать ремень.

— Я собираюсь принять душ. И ты либо уходишь, либо продолжаешь сушить свои волосы здесь при мне.

Фрэй пытается вернуть свои глаза к моим, но те предательски опускаются вниз, отчего я уже даже не смущаюсь.

Хотя в любой другой момент — я бы уже давно был смущен или раздражен.

Почти как Фрэй сейчас.

Поэтому я расстёгиваю ремень и, достав его из шлевок, бросаю на тумбу.

— Ты так жаждешь досмотреть процесс до конца? — хмыкнул я, и в следующую секунду Фрэй нервно отступает и бросает к двери, проворчав «Идиот». Она, конечно же, чуть не сносит сушилку и едва не подкальзывается, но все же успевает вылететь из ванной прежде, чем получила бы травму из-за своего стыда и смущения.

Я только усмехнулся, после чего спокойно выдохнул.

И с довольной улыбкой встал под заслуженный душ.

Мы едва не опоздали к Марку из-за суетливой Фрэй, но слава ангелам, позора удалось избежать. Раздраженные и запыхавшиеся мы практически ворвались в его кабинет, напугав

всех присутствующих.

Встреча прошла так, как я себе и представлял. Примитивная влюбилась в себя всех без исключения, и пока она общалась с его представителями, сам Марк уточнял некоторые детали соглашения у меня. Мы с ним быстро нашли общий язык, и я был приятно удивлен той вежливостью и уважением, которым мы с примитивной удостоились.

Конечно, Клэри поделилась с ними своим желанием вытащить меня из отеля и показать мне город, и все стали ей сопутствовать в этом, отмечая, куда мы должны сходить в первую очередь. Я сдерживался из последних сил, чтобы не возвести глаза к потолку.

В итоге, после двухчасовой встречи, мы с Фрэй уже были свободны, при этом получив приглашение на ужин в честь годовщины свадьбы Марка и его жены Стефании, который состоялся в последний день. Нам даже предоставили вип-карту в их бутик, где я мог выбрать себе костюм, а Фрэй платье. Меня не особо радовала перспектива провести очередной вечер вне номера, но что делать, можно подумать, тут вообще кого-то волновало мое мнение?

Фрэй таскала меня по Сиэтлу уже второй час и, если первые сорок минут я еще получал удовольствие, то потом я изнывал и жадно мечтал о том, когда все это закончится. Девчонка же была так возбуждена этой обзорной экскурсией, что у меня просто не поднимался язык упрекнуть ее в этом. Она была в восторге от всего: от города, от магазинов, от мороженого, которое мы купили за углом, от атмосферы города в целом.

Под конец дня, когда я уже открыто начал ныть и проситься домой, Фрэй наконец-то уступила мне, сказав, что все остальное мы досмотрим завтра.

Но мне не повезло, потому что именно в тот момент, когда мы собрались в отель, Фрэй увидела какой-то художественный магазин.

— Алек...давай заглянем?

Оценив бегло масштаб магазина, я уже понял, что мы задержимся там не на пять минут.

Но отказать Фрэй?

Что врать, мне было интересно провести этот день с ней, пусть и разглядывая достопримечательности Сиэтла. Мне нравилось просто гулять с ней по городу, покупать ей мороженое, фотографировать ее и ворчать, когда она фотографировала нас вдвоём. Я отлично провел это время, чем удивил сам себя. Да я устал, да я ненавижу магазины, да я чувствую себя некомфортно среди такого скопления примитивных, но на то время, что я был с Фрэй, я почти забыл об этом.

— Ненадолго.

Фрэй практически завизжала и, схватив меня за руку, потащила к магазину. Это было редкое проявление чувств, потому что Фрэй редко, когда могла разрешить себе вот так просто взять меня за руку или по-дружески толкнуть в бок, она всегда держала дистанцию, боясь, что я оттолкну ее. И я понимаю ее.

Но сейчас, мы оба понимали, что между нами определенно что-то изменилось. Что-то важное. Поэтому, когда я крепко сжимаю руку Фрэй в ответ, она не смущается, не пугается, а лишь открыто улыбается мне своей счастливой улыбкой.

Магазин оказался раем для тех, кто тащится от красок, рисунков и кипы бумаг, а Фрэй была как раз из таких. К ней сразу подошел пожилой продавец и повел ее в зал, скромно улыбаясь отвалившейся челюсти Фрэй. Да, я тоже не сдержал улыбки, наблюдая за тем, как девчонка теряет дар речи. И не от масштабов магазина, как почти сделал я, а от количества картин, красок, соответствующего запаха и, в целом, от царившей тут атмосферы. Магазин для художников, но никак не для сумеречных охотников. Однако я знал, что как бы Фрэй не

пыталась погрузиться в сумеречный мир, она все еще тосковала по таким вот радостям, которые дарил ей мир примитивных.

Первый час я просто таскался за ней, наблюдая, как она рассматривает краски, как трепетно касается кистей, как восторженно рассматривает сидевших рядом художников. Я понял, что ей этого не хватало. Всегда не хватало. Эту часть из нее практически вырвали, когда втянули в тот мрак, в котором живем мы, сумеречные охотники.

Поэтому я не стал напоминать Фрэй про время, и когда пошел второй час пребывания здесь, я оставил Клэри среди нескольких художников, которые объясняли ей что-то про краски, и направился к диванчикам, стоявшим вдоль окон.

— Алек...

Клэри испугалась, когда увидела, что я ухожу, и испуганно дернулась ко мне, но я лишь утешающе кивнул ей и подтолкнул ее обратно.

— Я посижу на диване, а ты можешь еще походить здесь.

Клэри определенно потерялась во времени, как только попала сюда, но я не хотел выволять ее обратно в реальный мир, когда она так поглощена этим. Почему бы и Фрэй не подарить время, наполненное тем, что приносит ей радость?

— Давай, Фрэй, не теряй время.

Девчонка убегает обратно, а я сажусь на диванчик, где расположились несколько уставших мужчин, видимо, уже не один час дожидаящиеся своих дочерей и жен.

Поэтому неудивительно, что когда пошел третий час пребывания здесь, я отключился на этом самом диване.

— Алек?

Клэри осторожно тормозила меня, и когда я открыл глаза и недоуменно оглянулся, не сразу вспомнив, где я и с кем, Фрэй виновато улыбнулась.

— Извини, я не следила за временем...

Я быстро провожу рукой по волосам, после чего перевожу взгляд на большой пакет в руках Фрэй.

— Купила все, что хотела?

Я обращаюсь к ней мягко, и на пару секунд я вижу в глазах Фрэй удивление. Она наверняка ожидала, что я буду зол, раздражен или просто начну ворчать.

— Да.

Снова скромно улыбаюсь ей, после чего поднимаюсь и беру ее пакет. Мы выходим из магазина, и я, как дурак, несколько раз втягиваю в себя свежий воздух.

— Там жутко воняло красками, — оправдываюсь я, и Фрэй тихо смеется.

Мы в приятном молчании идем к отелю, каждый думая о своем. И только уже в номере, Фрэй останавливает меня, коснувшись моего локтя рукой.

— Алек, — девушка, закусив губу, снова виновато смотрит мне прямо в глаза, — Извини, что я заставила тебя так долго ждать....

— Фрэй, я же сказал, ничего страшного.

Клэри убирает руку, а я подхожу к ней вплотную.

— Ты скучаешь по всему этому, да?

Я киваю на пакет красок и кистей в ее руке, и Фрэй, тоскливо опустив взгляд на них, осторожно кивает.

— Тогда тем более, тебе не стоит извиняться.

Наплевав на осторожность, я протягиваю к ней руку и убираю ее лица спадавшую

рыжую прядь. Девушка в своем взгляде выражает всю свою благодарность.

— Спасибо, Алек.

— Не за что, Фрэй...

13: Клэри

Я понимала, что я по уши погрязла в чувствах к Алеку.

За время этой поездки они только усилились, и стоило мне перестать возводить вокруг себя рамки, они обрели всю свою мощь.

Я думала об Алеке... постоянно.

И все то время, что он был рядом, я чувствовала себя самой счастливой просто от того, что мы вместе.

Вечер мы провели на диване в зале, заказав пиццу и куриные крылышки. Алек чувствовал себя комфортно и, растянувшись на диване, лениво позвал меня посмотреть какой-то фильм вместе с ним. И вместо одного мы посмотрели три.

Конечно, сначала я сидела в напряжении и не могла расслабиться, хотя Алек был спокойным и определенно расслабленным. Когда он в тысячный раз выразительно на меня посмотрел с намеком «Да что с тобой?», я взяла себя в руки и перестала мысленно создавать проблемы из ничего.

И это был один из лучших дней в моей жизни с момента поступления в этот чертов Институт.

Мы с Алеком вели себя как... Друзья.

Мы смеялись, переговаривались, шутили, делили пиццу, и в конце вечера я уже сидела не на другом конце дивана, а рядом с Алеком, облокотившись о него плечом. Не знаю, что так умиротворило Алека здесь. То, что мы были вне стен Института? Что здесь не было никого, кого мы знали, и кто мог судить нас?

Но во время этого «отпуска» Алек словно снял с себя какие-то оковы и будто расслабился рядом со мной.

Алек... стал ближе.

Проснувшись я на рассвете, так как панорамное окно не могло скрыть от нас эту красоту и яркие лучи солнца. Зажмурившись и протерев глаза, я только удобней устроилась в постели, так как мне было тепло и чересчур спокойно. Обычно я сплю плохо, готовая в любой момент проснуться, если что-то случится. А сегодня я проснулась после долгого крепкого сна с полным ощущением покоя и безопасности. Это было странно, но утром я была не настроена размышлять об этих причинах.

Но мне пришлось, ибо все встало на свои места, когда матрас подо мной снова зашевелился, и что-то тяжелое, но теплое, опустилось мне на талию.

Мне хватило пяти секунд, чтобы резко распахнуть глаза, поняв, что я лежу на груди мирно спящего Алека, которая плавно и размеренно поднималась и опускалась, полностью обвитая им. И что врать, я и сама обвила парня руками и ногами.

Видимо, на середине какого-то фильма я все-таки заснула, и похоже, что Алек тоже.

И мной овладела паника.

Я будто бы впала в оцепенение, боясь пошевелиться.

Что если... оттолкнет? Не поймет? Разозлится...?

— Дай отгадаю. Боишься моей реакции?

Глубокий и низкий ото сна голос Алека не столько пугает, сколько будит мое тело, которое начинает против моей воли на него реагировать.

— Как ты понял, что я проснулась...? — прохрипела я, и Алек снова зашевелился подо мной, вызывая у меня буру эмоций.

— Ты перестала быть мягкой. Из уютного расслабленного женского тела в руках я стал чувствовать напряженную замеревшую статую.

От смущения и стыда я толкаю парня в бок, и тот тихо смеется, не понимая, что это выбивает из меня весь воздух.

— Я даже не помню, как отключилась...

Алек немного отодвигается, когда я начинаю подниматься, но я не рассчитала, что диван настолько узок, потому что слишком лихо перекатываюсь через парня, а когда понимаю, что падаю, цепляюсь за него и тащу его на пол за собой. Парень приземляется прямо на меня, и я замираю от того, что мы так близко.

— Зато я помню, — низкий голос Алека заставляет меня покраснеть и смутиться всего происходящего еще больше, — Ты что-то рассказывала мне, но в какой-то момент замолчала, и я уже было решил, что ты наконец-то увлечена фильмом больше, чем разговорами, но когда ты окончательно на меня навалилась, я понял, что ты заснула.

Лайтвуд улыбается мне, и вместо того, чтобы подняться, он лишь упирается руками по бокам от меня, при этом оставаясь нависать надо мной.

Я понимала, что я просто балансирую на грани того, чтобы притянуть Алека к себе и, наплевав на все запреты, поцеловать этого шикарного парня.

— Ты не разбудил меня....

— Я решил, что досмотрю фильм. А потом сон сморил и меня.

Долгую минуту мы просто всматриваемся друг другу в глаза, и я клянусь, я вижу, как тяжелеет его взгляд.

Алек наклонился еще ближе и вместо того, чтобы испугаться, я лишь переплетаю свои ноги с его.

— Клэри... — тяжело сглатывает парень, и я готова признать поражение.

— Алек....

Если бы не стук в дверь, я боюсь представить, что случилось бы там на полу. Но «завтрак» практически спас нас от полной капитуляции перед друг другом. И если Алек раздраженно что-то проворчал, то я слишком резко оттолкнула парня в сторону и, подорвавшись, подлетела к двери, впуская официанта.

Гнетущего и неловкого молчания удалось избежать только по одной причине.

Мы оба одновременно перевели взгляд на дверь ванной.

— Даже не думай, Фрэй, — сказал Алек, уже растянувшись в улыбке.

Да, ванная комната стала уже нашей общей шуткой, так как, что я, что Алек, просыпались в одно время и не могли поделить душ.

Покачав головой, я просто метнулась в ту сторону, громко засмеявшись, когда Алек побежал вслед за мной.

— Я первая!

— И не надейся, примитивная!

Мы вели себя как маленькие полоумные дети: смеялись, толкались, и когда Алек пользуясь своим телосложением и силой, просто схватил меня в охапку и отставил от ванной, после чего забежал в нее первым с широченной улыбкой и громким смехом, я согнулась пополам в приступе истерического смеха.

Алек же сразу смутился своего ребячества, которым всегда пренебрегал, но скромную

улыбку скрыть не мог все равно.

Алек принимал душ не так долго, как я, однако когда вышел из ванной, я жалела, что он там не задержался подольше. Потому что я могла бы не застать его выходящего из душа в одном полотенце. Это было слишком.... Слишком... черт возьми, это было просто слишком!

Я уставилась на его голую мокрую грудь и мысленно корила себя за этот идиотизм. Но я просто не могла не смотреть!

Алек был красивым парнем, не только внешне, но и внутренне. И я всегда ценила его за его внутреннюю красоту, но в такие моменты, я не могла не попасть под его шарм и очарование. Таким иммунитетом обладала только Иззи в силу понятных причин. У Алека было красивое спортивное тело, и сколько бы я не лицезрела его на тренировках, я все равно не могла привыкнуть к этому виду.

— Клэри, ты сейчас прожжешь во мне дыру.

Что-то вяло промямлив в ответ, я, прижавшись к стене, обошла Алека, и, игнорируя его иронично вздёрнутую бровь, закрылась в ванной. Где провела добрых сорок минут, пытаюсь вернуть себе контроль над собственным телом и эмоциями.

После очередной встречи с Марком, мы с Алеком отправились в магазин, который он нам посоветовал. Мне нужно было выбрать платье, Алеку — костюм.

Парень не любил все эти сборы, а магазины открыто ненавидел, поэтому хотел взять первое попавшееся, но я заставила его перемерить пять костюмов, прежде чем мы нашли тот, который на нем идеально сидит.

— Это важный ужин, Алек!

Он лишь закатывал глаза, но уже шел мерить следующие, при этом что-то ворча.

Алек был высоким, широкоплечим, с узкой талией, и длинными руками. Все это создавало массу неудобств: пиджаки были ему туговаты, брюки коротковаты, либо широки, рубашки сидели тоже не всегда хорошо, и у него была широкая шея, что предусматривала не каждая горловина рубашек.

Но, в конце концов, мы нашли для него идеальный приталенный черный костюм. Идеально сидящую белоснежную рубашку и черную бабочку. Он выглядел как падший ангел в прямом смысле этого слова. Я позволила себе любоваться им, пока он стоял у зеркала.

Идеальный Алек в идеальном костюме.

— Вот, это твое.

— Думаешь? Не слишком вычурно?

Вычурно? Я улыбаюсь, услышав это.

— Это классика, Алек. И ты в ней шикарен.

Мы встречаемся взглядом в отражении зеркала, и ни один из нас не отводит взгляда. Я не хочу брать свои слова обратно, хотя и понимаю, что они врывались случайно.

А когда приходит консультант, я конечно, отвожу глаза и уступаю ей место возле Алека.

Я оставляю парня в холле, убедив его в том, что смогу выбрать платье и без него. Тем более, что Алек действительно устал от этих примерок и точно не горел желанием тратить свои силы на подбор платья мне.

Поэтому я оставила его на диванчике, так как он отказался возвращаться в отель без меня, а сама отправилась в женский отдел. Мне не пришлось долго выбирать, я уложилась за час, так как почти сразу нашла шикарное платье. Это было приталенное темно-синее платье в пол, идеально сидящее на фигуре. Верх был корсетного типа, а широкие лямки красиво спадали с плеч, создавая красивую оголенную линию декольте. Я уже представила, как

соберу волосы вверх и дополню образ серебряными длинными серьгами, которые на последний мой день рождения мне подарила Изабель.

У платья был так же красивый разрез на бедре, в меру окрыляющий ногу. Я быстро нахожу аккуратные серебряные босоножки, и удовлетворенная покупкой выхожу к Алеку.

— Ты быстро.

Ну еще бы. Это Изабель могла потратить весь день на примерки и новые магазины, но не я.

Усмехнувшись, протягиваю ему свои пакеты, и мы выходим из магазина.

Мы оставили покупки в номере, пообедали в номере, заказав полюбившуюся нам пиццу и пасту, а уже вечером я вытащила парня гулять. Алек сопротивлялся недолго, всего около часа.

Мы гуляли по вечернему Сиэтлу, и мой рот не закрывался ни на минуту. Парень только скромно улыбался и где-то брал меня под руку, чтобы обойти прохожих, и просто направить меня в нужную сторону.

Нам было хорошо рядом. Словно и не было того долгого молчания, неприступности, надменного холода, равнодушия и искренней ненависти. Все это мы прошли, и это, несомненно, теперь сблизило нас, а не расставило по разные стороны баррикад. Судьба или издевалась или мстила нам за нашу слепую веру в то, что мы никогда не подружимся. Но было странно чувствовать себя рядом с Алеком, так как я чувствую себя рядом с Саймоном, если убрать то влечение к Лайтвуду, которое теперь так мучило меня.

Раньше Алек отталкивал меня. Я тянулась к Саймону, к Джейсу, но, что самое смешное со временем оба отошли на второй план. Саймона я условно делила с Изабель, а эгоистичная влюбленность в Джейса переросла в теплое дружеское общение, но родство душ и эмоциональную тягу я испытывала к тому, кто всегда отталкивал меня и от кого я с радостью бежала.

Мы снова вернулись друг к другу.

Только теперь нас окружала не ненависть и раздражение.

А что — то другое.

Что-то очень важное.

— Алек, — я останавливаюсь, когда вижу по другую сторону от нас огни аттракционов и шум гуляний.

Парень останавливается следом за мной и непонимающе моргает.

— Ты хочешь вернуться в отель?

Алек молчит пару секунд, внимательно вглядываясь мне в глаза. И я не отвожу взгляд.

— Нет.

Этого достаточно, чтобы я искренне улыбнулась, чувствуя, как по телу растекается тепло от того, что ему нравится гулять со мной. Потому что я тоже не хотела возвращаться. Я хотела познакомить Алека с тем, чего он никогда не видел.

— Хочешь, я покажу тебе, где проходит важная часть детства обычного примитивного ребенка?

Алек хмыкает и качает головой.

— Ни стрел, ни орудий, ни драк, ничего мрачного и связанного со злом, — продолжаю я, уже понимая, что он согласен.

Алек тихо усмехается и переводит взгляд в сторону парка, где шумел народ и сверкали ночными гирляндами стволы деревьев.

— Даже не могу себе представить это.

Знаю. Потому что мир, в котором вырос Алек, полностью отличается от того мира, в котором росла я. Он с детства нес на себе ответственность за сестру, брата, себя самого и всех остальных. Он воспитан соблюдать правила, вопросы чести и достоинства. Он не мог позволить себе того ребячества, которое позволяли Джейс и Иззи, Алек был ограничен в том, что должен был испытывать, как нормальный ребенок. И в силу своего воспитания, и в силу того мира, в котором родился, и в силу своего характера, своего восприятия.

Он не видел и не испытывал этого праздника жизни.

А я очень хотела подарить ему эту возможность.

Поэтому, в ответ на слова Алека, я беру его за руку, которую он крепко сжимает, и веду в парк развлечений.

14: Клэри

Алек проникся атмосферой... не сразу.

Он заметно нервничал первое время. Его откровенно пугало такое скопление «примитивных» в одном месте, и первые тридцать минут Алек был хмур, молчалив, сосредоточен и напряжен.

Но я была в восторге и трепетном предвкушении реакции Алека. Я осторожно вела его по парку, показывала на аттракционы, рассказывала свои истории из жизни, указывала на смеющихся веселых детей, и спустя некоторое время Алек... расслабился. Уже на третьем аттракционе он вошел во вкус и широко улыбался, когда я истошно орала вместе с детьми на очередной карусели.

Алек наконец-то проникся.

Его глаза горели, и все это казалось ему неизведанным и новым, но страх ушел. Алек стал получать удовольствие от всего этого, хотя мне все равно приходилось подталкивать его и вести за собой.

Но спустя час, я уже с улыбкой наблюдала за его восторженным взглядом.

Мы покупали сладкую вату, он выиграл огромную панду, которую вручил мне с ироничной улыбкой, я завела его в комнату кривых зеркал, где парень громко смеялся, увидев расплющенного самого себя. Но что тронуло его больше всего, это количество детей шумящих повсюду. Они были счастливы и их не заботили проблемы взрослого мира, они все еще находились в своем. Они кричали, бегали, прыгали, шумели и делились с нами этим праздником жизни.

Я много молчала в этот вечер, боясь спугнуть Алека.

Но каждый раз, когда он пропускал вперед мелких ребят и даже помогал некоторым из них забраться на аттракцион, я чувствовала ком в горле. Алек заслуживал жить в этом свете, а не во мраке, в котором был вынужден всех спасать.

— Значит, это та самая важная часть примитивного ребенка, да?

Я оборачиваюсь к Алеку, который перестал улыбаться и вернул себе некую отрешенность. Но его взгляд все еще горел, выдавая хозяина.

Киваю и уже в следующую секунду разворачиваюсь обратно, указывая рукой на салют разразившийся прямо над нами. Световые залпы освещали ночной Сиэтл и будто подкреплялись восторженными охами с нашей стороны.

Я сама на это короткое мгновение почувствовала себя ребенком.

Счастливым ребенком.

Мы гуляли по парку еще час после салюта, потому что Алек сказал, что не хочет возвращаться. Я понимала, что он чувствует, поэтому не мучила его расспросами и просто кивнула, после чего повела обратно к аттракционам. Но довольно скоро небо над нами разразил гром, и мы встретили ливень. Вода лилась стеной, и все мы бежали из парка, громко смеясь или крича. Алек сразу заворчал, хотя я истерично смеялась.

Мы бежали по улицам, без зонтов и в уже абсолютно промокшей одежде, и только успевали скромно улыбаться, когда нам на пути попадались пожилые пары, наблюдавшие за нами с очаровательной улыбкой. Может для них это и выглядело романтично со стороны, но мы с Алеком чувствовали себя совершенно не романтично. Оба мокрые, грязные, замерзшие,

но, черт возьми, все же счастливые. Алек не выпускал мою руку все это время, и наверно я была даже благодарна этой стихии, что так сблизила меня с парнем. Огромную панду парень держал во второй, все время ворча что-то про уродливых косолапых животных.

Мы забежали в отель, напугав всех, кто был в холе. И если я сразу смутилась и нервно отступила назад, то Алек с гордо поднятой головой повел меня к лифту, наплевав на те следы грязи, которые тянутся вслед за нами, как и взгляды людей.

Я открыто дрожала, у Алека тоже зуб на зуб не попадал, и ворчать начала уже я, хотя Алек давно уже успокоился и теперь только иронично посмеивался.

— Давай, Фрэй.

Алек завел меня в ванную и включил горячую воду, которая стала быстро наполнять ванную.

Все еще стуча зубами, я пытаюсь убедить его, что я в порядке, но Алек непреклонен.

— Лезь в горячую воду.

Алек снова был лидер, и я не могла ему перечить. Он практически насильно толкал меня к ванной.

Парень тактично оставляет меня в комнате, и я быстро снимаю с себя мокрую холодную одежду туда, куда Алек бросил свою футболку, и с блаженством окунаюсь в горячую воду. Мне требуется десять минут, чтобы согреться и перестать дрожать. Я понимаю, что Алеку тоже не помешает такая терапия, поэтому стараюсь делать все быстро. Сразу как тело размягчается в горячей воде, я выхожу из нее и плотно укутываюсь в большое махровое полотенце, попутно развесив одежду на сушилке.

Алека застаю в холле, и он недоуменно моргает, когда видит меня перед собой.

— Уже?

Я тоже нервно моргаю, отводя взгляд от уже переодевшегося в черные спортивные брюки и серую футболку парня.

— Я думала, что ты тоже захочешь погреться... ты ведь тоже промок. И замерз...

Алек склонил голову и сложил руки на груди.

— Ты беспокоишься обо мне?

Он констатировал. Это был риторический вопрос, на который мы оба знали ответ.

Поэтому, уже раздраженно фыркнув, разворачиваюсь, чтобы уйти в свою комнату.

— Представь себе.

Я захожу к себе в комнату, быстро переодеваюсь в короткие джинсовые шорты и большую темно серую футболку. Но вместо того, чтобы вернуться в холл, я подхожу к своему зеркалу, и, остановившись перед ним, долгую минуту всматриваюсь в свое отражение.

Милая девушка, пусть и уставшая и истощенная, но в меру поджарая и в меру миниатюрная. И все эти сумеречные руны... нет, они не портили меня. Не они вызывали во мне желание одеться и спрятать себя.

Я разворачиваюсь к зеркалу спиной и приподнимаю футболку. И вот теперь я вижу в отражении то, что подарил мне сумеречный мир помимо всех этих рун.

Нижнюю часть спины украшала россыпь мелких рубцов, доставшихся мне в сражениях. Они были почти не заметны, если не проводить пальцами по коже, но я-то знала, что они есть. Знала, что они меня... не украшают.

С тоской провожу по ним взглядом и останавливаюсь на шраме, расположившемся у левого бока. Да, он давно затянулся и зажил, но он не исчез бесследно, как мне бы хотелось.

Если мужчину боевые шрамы и украшают, то в девушке они просто на просто убивают

всю веру в свою привлекательность. Мне придется прятать их всю жизнь. Не хочу видеть жалость или брезгливость у того, кто случайно наткнется на них взглядом.

Осторожно касаюсь рукой этого шрама...медленно провожу пальцами по коже рядом с ним, которая успела огрубеть и покрыться рубцами, пусть и тонкими и малозаметными.

Но я уже не была прежней Клэри.

Не с ними.

Не знаю, что заставляет меня поднять голову, но как только я это делаю, я встречаюсь с тяжелым пронизывающим взглядом стоящего в проходе Алека. И как только его взгляд поднимается от отражения в зеркале к моему лицу, я резко одергиваю футболку и суетливо отхожу от него, пряча свое «унизительное смущение» за раздражением.

— Чего тебе, Алек? Сложно постучать?!

Но парень не отвечает мне, только как-то утешающе качает головой.

— Пошли смотреть кино.

— Не хочу, — бурчу я, все же задетая тем, что позволила ему увидеть свою тоску, когда осматривала шрамы. Он не должен думать, что меня это волнует. Не хочу, чтобы считал меня той маленькой девочкой, которой всегда называл.

— Клэри, пошли.

Я замираю, когда слышу, что он снова обращается ко мне по имени, без всяких приставок вроде «примитивная», «маленькая девочка», или уже простым и привычным нам «Фрэй».

Алек осторожно заходит в комнату и слишком участливо обращается ко мне с этой просьбой. Понимаю, что решением проблемы моя злость не послужит, поэтому, когда не выдерживаю его жгучий взгляд, вздыхаю, и молча выхожу из комнаты, обойдя Алека. Он так же молча следует за мной.

Мы садимся на диван и Алек, вместо того, чтобы включить телик, набирает Изабель, разговор с которой помог мне забыть про случившееся и вернуть себе прежний настрой. Алек все то время пока мы болтали, приносил в зал чай/кофе, включил фильм, и даже посмеялся, когда я бросила в него подушкой за его очередную колкую шутку насчет того, что я слишком много говорю по телефону.

Поэтому после того, как мы обсудили новости из Института и отписались Ходжу, мы со спокойной душой садимся смотреть фильм.

Умиротворенная после разговора с Изабель, по которой я уже скучала, и сидящим рядом Алеком, от которого веяло спокойствием и надежностью, я расслабилась и не смогла избавиться Алека от своей болтливости.

Алек молчал и лишь изредка тихо смеялся надо мной, но по больше мере он был погружен в какие-то свои мысли. Я это видела и не упрекала его, так как прекрасно знала, что Алек любит уединение с самим собой. Но то, что он хотел провести это время со мной, много значило для меня. Я это ценила.

Уже уходя спать, Алек окликает меня и, когда я поворачиваюсь к нему, он как-то виновато опускает взгляд.

— Спасибо.

Непонимающе хмурюсь.

— За что? Я ничего такого....

— За этот день, — перебивает меня Алек и поднимает глаза.

Мне требуется минута, чтобы понять, что он имеет в виду нашу прогулку в парке. Алек

проникся этим. И видимо, именно об этом все это время думал, пока мы с смотрели фильм.

— Всегда пожалуйста, Александр Лайтвуд, — широко улыбнувшись отвечаю я, но уже следом за этим, весело фыркаю, понимая, что Алеку не просто было признать тот факт, что он отлично провел время в мире примитивных, да еще и со мной, — Кларисса Фрэй готова выступить экскурсоводом в мире примитивных в любой момент.

Алек расплывается в скромной улыбке и, опустив взгляд, только качает головой.

15: Клэри

— Саймон!

Среди ночи я просыпаюсь с криком на губах. Я вообще редко, когда могла похвастаться крепким сном и спокойной ночью. Обычно я всегда просыпаюсь от ночного кошмара и, что хуже всего, они практически не менялись. Но все еще вводили меня в ужас.

Мне снова снится, что моя мать похищена Валентином, что Доротея погибла, и мне снова снится, что я не успеваю спасти Саймона. Этот кошмар всегда был самым болезненным, потому что я чувствовала вину перед ним. Я ненавидела себя за то, что втянула его в этот мир и не защитила, когда должна была.

Я сажусь на кровати, практически захлебываясь в слезах и тяжело дыша, не понимая, где нахожусь, и почему рядом нет Саймона.

Практически в эту же секунду в мою комнату влетает Алек.

— Клэри!

Когда я вижу его понимающий взгляд и слышу хриловатый бархатный голос, выдающий искреннее волнение Алека, я истошно всхлипываю. Алек моментально оказывается возле меня и заставляет меня глубоко вздохнуть, чтобы нормализовать дыхание. Он крепко сжимает мое запястье, и тихо выругивается уловив, что мой пульс слишком большой.

— Саймон... — снова шепчу я, только-только приходя в сознание и возвращаясь в эту реальность.

Алек утирает большими пальцами мои мокрые глаза и практически гипнотизирует меня взглядом.

— Фрэй, дыши. Просто дыши. Вдох, выдох, давай.

Послушно повторяю за Алеком, и вскоре оцепенение действительно проходит, а сердце словно больше не сжимает колючая проволока.

Я жалобно прячу глаза, когда слышу облегченный вздох Алека.

— Снова кошмар?

Просто киваю.

— Тот же самый?

Я удивленно моргаю и поднимаю глаза на встревоженного Алека.

— Откуда ты...

— Моя комната практически напротив твоей, — вздыхает Алек, снова утерев мои мокрые щеки, — Неужели ты думаешь, что я не слышу, как ты кричишь по ночам или что полночи слоняешься по коридору после них?

Я слишком удивлена, чтобы что-то ответить, поэтому Алек нарушает тишину первым.

— Они снятся каждый день? Поэтому ты так мало спишь?

Если он пытается отвлечь меня разговорами, то у него получается. Я даже забываю о том, что его вообще не должно быть сейчас здесь. Он должен был быть у себя в комнате. И он точно не должен был знать о том, что я мало сплю.

— Практически каждую ночь. Иногда это кошмары, иногда просто неприятные сны, — честно признаюсь я, хотя в любой другой момент я бы этого никогда не сделала, так как решила бы, что он сочтет это за слабость.

Алек снова заботливо вглядывается в мое лицо.

— Но вчера ведь ты спала хорошо?

Отвожу взгляд.

— Я всегда хорошо сплю, когда рядом со мной кто-то есть. Обычно это Иззи или Черч.

Но вчера это был ты...

Мы оба молчим, и если я чувствую себя неловко, то Алек, на удивление, даже не смущен.

Он убирает с моего мокрого лица прядки волос

— Что тебе снится, Клэри? — словно молит об ответе Алек, когда бережно укладывает меня обратно на кровать, поджимая под меня одеяло.

— Саймон... мне снится, что я не успеваю спасти его. Даже во сне.

Потому что я и в реальности не спасла его.

И даже во сне я не могу спрятаться от этого факта.

Алек укладывает меня в постель и, что самое поразительное для меня, он ложится рядом, крепко обняв меня, укутанную в одеяло, со спины.

— Алек, что ты...

Я уже хочу спросить его, почему он это делает, ведь он не обязан и все-такое, но Алек прерывает меня, крепче прижав меня к себе.

— Не спрашивай, Клэри. Просто засыпай.

Этого достаточно, чтобы я замолчала и прониклась к нему еще большим уважением. Алек снова рядом. Алек всегда... рядом.

Я закрываю глаза, позволяя себе сполна насладиться присутствием рядом Алека.

— Мы не можем защитить дорогих нам людей от всего плохого, Фрэй. Иногда дерьмо случается.

Тихий бархатный голос Алека проникает к самому сердцу.

— Саймону повезло, что у него есть такой друг, как ты. Ты была рядом с ним в самый сложный период его жизни. Поддержала и помогла ему остаться тем же примитивным парнем, пусть и с клыками. И он принял себя, Фрэй. Он не страдает. А значит и ты не должна.

И это самое лучшее и ценное, что я слышала за долгое время.

Поэтому, когда парень зарывается лицом в мои волосы и умиротворенно вздыхает, я перестаю чувствовать себя одинокой и вместе с этим чувствую себя заново родившейся. Словно я смогла принять то, что случилось с Саймоном. Словно Алек действительно сделал это со мной.

Помог мне простить себя.

Я спала крепко и без кошмаров.

Как и в прошлый раз, я просыпаюсь с чувством покоя и умиротворения.

В руках Алека мне совсем не страшно. Не одиноко.

Я просыпаюсь на рассвете и так как лежу лицом к панорамному окну, то вижу, как солнце медленно всходит над горизонтом, освещая спящий Сиэтл солнечным светом.

Алек все так же обнимает меня, крепко прижимая к себе, но во сне я вытянула руку из-под одеяла и теперь крепко обнимала его руку, держа за ладонь и прижав ее почти что к губам. Алек словно окружил меня и был повсюду. Его ноги лежали рядом с моими, а его подбородок подпирал мою голову.

Это было невероятно ощущение.

Я знаю, что Алек проснулся вместе со мной, но ни он, ни я, не сделали попытки подняться и разойтись. Мы оба продолжали лежать рядом друг с другом, крепко обнявшись, встречая рассвет и начало нового дня.

В этом была и своя ирония, ведь сейчас этот рассвет пробуждал не только начало нового дня, но и чего-то нового в наших отношениях с Алеком. Словно та стена между нами вконец перестала волновать Алека, и он без сожаления разрушил ее, впуслав свет.

Мы через многое прошли. И может, это было достойное завершение всех тех отрицательных чувств, которые мы испытывали друг другу с самого первого дня?

Может, мы и должны были прийти к этому покою и комфорту рядом друг с другом?

Мы лежали так очень долго. Рассвет уже давно наступил, Сиэтл уже как час проснулся и бодро встречал горожан, но мы с Алеком словно боялись выходить из этого кокона. Мы не говорили, потому что разговоры все испортили бы между нами. Но то молчание, которое было — говорило все за нас самих.

И это было... поистине ценно.

— Я готова.

Алек поднялся с дивана и, развернувшись ко мне, практически замер. Да и я не смогла скрыть восхищенного взгляда, когда увидела парня. В этой белоснежной рубашке, классическом костюме, который был сшит ему по фигуре, и с этой копной темных волос, которые выбивались из «идеальной» картинки, но нисколько не портили Алека. Он все равно оставался самим собой.

И сейчас, в такие моменты, я по-новому ощущала его стать, выдержку и харизму.

И что самое примечательное, Алек, в отличие от Джейса, не был склонен к самолюбованию и, кажется, вообще не подозревал, насколько он привлекателен, так как привык всегда прятаться за харизматичным Джейсом.

Но в отличие от Саймона, Алек выглядел уверенно и непоколебимо, ни в чем не сомневаясь.

Джейс всегда был слишком самоуверен.

Саймон наоборот всегда сомневался в себе.

А Алек... представлял собой золотую середину, которая так меня привлекала.

Клянусь, я практически пускала слюни.

— Ты выглядишь...

Алек, кажется, не мог подобрать слова, и я осторожно подсказала ему.

— Хорошо?

Я скромно улыбаюсь, зная, что выгляжу достойно. Платье идеально на мне сидело, волосы я, как и планировала, уложила в низкий пышный пучок, выпустив пару прядок у лица. И сережки, подаренные Изабель, идеально сочетались серебряными изящными босоножками.

В этом наряде я чувствовала себя достойной такого спутника как Алек.

Алек не отвечает на мою улыбку, а как-то нервно проводит рукой по своим волосам, после чего снова возвращает на меня свой потемневший взгляд.

— Ты выглядишь более, чем хорошо.

Искренне улыбнувшись, я киваю в сторону двери и Алек, словно опомнившись, мотает головой и сразу оказывается рядом, закрывая за нами дверь номера. Мы заходим в лифт в полном молчании и пока спускаемся, я чувствую, что меня разрывает от напряжения.

Весь день мы с Алеком провели в подозрительном уединении и молчании. Мы

смотрели фильм, гуляли в парке, обедали, но мы все это делали практически молча и все так же вместе. Алек не отходил от меня ни на минуту, и что врать, мне нравилось это.

Я понимала, что между нами что-то изменилось и Алек погружен в свои мысли, размышляя именно на эту тему.

Я просто ждала к чему он придет.

Что все-таки признает и как поведет себя завтра?

Выстроит между нами стену или позволит этим приятельским отношениям продолжаться?

Воздух между нами словно накалился, и атмосфера стала напряженной и слишком гнетущей. Я встала к нему спиной, чтобы не смотреть на него, но за пару секунд до того, как двери лифта откроются на этаже, где должен был проходить ужин с Марком, Алек встает вплотную ко мне, вызывая у меня мурашки и нервную задержку дыхания.

— Ты выглядишь потрясающе, Клэри, — выдыхает мне в макушку Алек, и я едва не теряю сознания от того, насколько это было чувственно и проникновенно.

Влюбленность лишает нас многих хороших навыков, главный из которых, умение контролировать ситуацию, в особенности, свое поведение. Я не исключение, поэтому, когда двери лифта открываются, а я не двигаюсь, Алек тихо хмыкает и, приобняв меня за талию, подталкивает вперед.

Ужин в компании Марка, его эффектной жены Стефании и их близких друзей проходит довольно спокойно и даже весело.

Нас с Алеком встретили радушно, и мы быстро стали объектом внимания всего зала. Марк пригласил около сотни своих друзей и сподвижников, и годовщину свадьбы Марка и Стефании можно было считать по истине роскошной.

Мы сидели за большими круглыми столами, вмещающих за себя десять человек, и, конечно, мы с Алеком сидели рядом. Нас вообще приняли как пару, и мне пришлось объяснить, что мы на самом деле «коллеги». И если все виновато извинились, то вот Стефания мягко улыбнулась мне, чем смутила меня еще сильнее.

Я в восторге от всего, что происходит: от роскошной обстановки, от красивой музыки, от праздничной атмосферы и веселья за нашим столом. Все танцевали, пили, шумели и веселились. Такой праздник не часто увидишь, находясь в Институте сумеречных охотников.

Я получала удовольствие от общения с каждым, и мне нравилось, что нас приняли так тепло. Алек вел себя скромнее и сдержанней, чем я, но на то была весомая причина — это был Алек. Странно было бы, если бы он вел себя по-другому.

Пока я отплясывала со Стефанией и ее подругами в центре зала, Алек сидел рядом с Марком и оба что-то обсуждали, при этом все время посмеиваясь и отпивая шампанского. Да, я успела заметить, что Алек и Марк нашли общий язык еще в первый день, но было приятно видеть, что Алек не скучает именно сегодня. На Алека многие смотрели с уважением, и, кажется, здесь он пользовался особым восхищением. Все знали о том, что Алек негласная глава Института, и многим здесь было наплевать на его родословную, их волновал сам Алек. Как Личность. Все мужчины что-то обсуждали с ним, и я не слышала, с каким достоинством они говорили об Алеке.

Я стала понимать, что нас отправили вместе не просто так. Марк хотел видеть именно нас. Алек привлекал его как лидер, как соратник, разделяющий верные убеждения и правильные цели, а я как та самая девочка, способная противостоять злу, которую они ждали много лет.

Единственное, что омрачало мой настрой, это то внимание, которое оказывали Алеку другие представительницы женского пола, как только узнали, что мы не пара. Алека это внимание тяготило и пугало, а меня — конкретно раздражало. Ему постоянно приходилось искать меня глазами в толпе, требуя, чтобы я вернулась к нему, и спасала его от очередной настойчивой великовозрастной феяри.

Я же пользовалась спросом у представителей мужского пола, которые годились мне в отцы или, что еще веселее, в деды. Они все время звали меня танцевать, делились со мной какими-то историями из жизни и прочее.

Но все это было весело. Я получала удовольствие от всего. Особенно от того, когда встречалась взглядом с Алеком. Он не выпускал меня из виду, где бы я ни была. И сегодня он улыбался мне так же часто, как и я ему.

Мы сидели рядом и весь вечер смеялись и переговаривались, рука Алека всегда лежала на спинке моего стула, отчего я разве что не искрилась. Впрочем, переглядывания с тактичной Стефани подсказали мне, что женщина прекрасно понимает, что нас с ним

связывает не просто совместная служба.

Алек даже расслабился. Сменил напряженную позу на несколько вальяжную, расстегнул пару верхних пуговиц, сняв душившую его бабочку и заснув ее в карман пиджака. Марк с громким смехом последовал его примеру, и отметил, что сам терпеть не может, когда Стефания одевает его так официально. Мы с Алеком только переглянулись, вспомнив наш поход в магазин, и глупо улыбнулись.

Когда снова заиграла спокойная романтическая музыка, я едва не застонала, уже отмечая, что в мою сторону двинулись пару мужчин, а в сторону Алека несколько неугомонных фейри.

— Потанцуем?

Я удивлено поворочаю голову в сторону Алека.

— Ты шутишь?

Алек никогда не танцует.

— Я абсолютно серьезен. Поднимайся, Клэри.

Послушно поднимаюсь вслед за Алеком, ловя хитрую улыбку Стефании, которая весь вечер пела нам с ним дифирамбы. Пусть и очень тактично.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алек берет меня за руку и ведет на танцпол, где уже танцевало несколько пар. А когда мы наконец-то встаем напротив друг друга, и Алек осторожно кладет свои руки мне на талию, а я свои ему на шею, все вокруг перестает существовать.

Нашу разницу в росте не перекроют даже мои каблуки, но это нисколько не мешает нам сейчас. Первые несколько минут мы еще держим какую-то дистанцию, но потом, тяжело вздохнув, Алек просто притягивает меня к себе, и я послушно утыкаюсь лбом в его плечо, глубоко вдыхая его запах.

Я была в раю в этот момент.

Мы танцуем в своем ритме, не обращая внимания на все остальное. Меня охватывает жар от того, что я так близко к Алеку, смущение от того, что я не могу скрыть своих чувств, и невероятное счастье от того, что это случилось. Я буду долго перебирать этот момент в своей голове.

Все становится каким-то интимным, личным и поистине дорогим. Мы обнимаемся так не одну песню, а когда приходит время вернуться к столу, Алек отстраняется и до боли нежно отодвигает прядь волос у моего лица, всматриваясь в мне в глаза слишком настойчиво.

Но он не успевает ничего мне сказать, потому что нас отвлекают, и мы вынуждены вернуться к столу, где все делают вид, что ничего не видели. Нас снова заносит в водоворот смеха и разговоров, но когда Алек уходит с Марком и его друзьями на балкон, я слишком отчаянно отпиваю шампанское из своего бокала, хотя весь вечер старалась избегать алкоголя.

Но не после того, как мы с Алеком снова перешли ту невидимую, но когда-то выстроенную нами грань.

Стефания сразу садится рядом со мной.

— Как тебе шампанское? Мы заказали его из Франции.

Я скромно улыбаюсь ей.

— Очень вкусное.

Женщина тихо смеется и наклоняется чуть ближе ко мне.

— Знаешь, как мы с Марком познакомились?

Я качаю головой, а Стефания усаживается поудобнее. Глубоко в душе я благодарна ей за то, что она составляет мне компанию именно в этот переломный момент.

— У нас была общая компания друзей. И когда-то, я встречалась с лучшим другом Марка, а он в свою очередь встречался с моей подругой. Представляешь?

Хмыкнув, отодвигаю бокал.

Как знакомо.

— И он мне никогда не нравился, что самое смешное. Этот самоуверенный умник всегда меня раздражал. И этот его юмор я считала его совсем несносным.

Мы вместе смеемся, так как Марк действительно обладал очень тонким юмором, и его шутки всегда попадали в самую цель.

— Но однажды нам с ним пришлось работать в паре, чтобы помочь родителям с семейным проектом, и вот с тех пор, мы больше не расставались. Этот самоуверенный умник оказался любовью всей моей жизни.

Стефания улыбается и отпивает из своего бокала шампанское.

— Мы многое с ним прошли. И запретов, и нарушенных правил, и предательств со стороны друзей, недопонимая среди общества и много чего другого. Но это все не напрасно. Любовь окупает все страдания с лихвой, Кларисса. Главное не пройти мимо нее, боясь тех самых рамок, в которых живешь. Нужно противостоять обстоятельствам.

Женщина посмотрела на меня очень тепло, но очень пристально, словно считывала меня и понимала лучше, чем кто-либо. И мне показалось, что она рассказала мне это не просто так, и смысл, вложенный в эти слова, намного глубже.

Было очень значимо слышать от постороннего человека те слова, которые могли навести порядок в твоей голове.

— А если боишься? — тихо спрашиваю я.

Стефани понимающе кивает и наклоняется ко мне чуть ближе.

— Я не самый умный человек в этой комнате, Кларисса. Я мало что смыслю в технике, в языках или в науке. И я не очень хорошо разбираюсь в политике и даже в той же самой моде. Но в чем я сильна, Кларисса, так это в психологии и межличностных отношениях. — Стефания накрывает мою руку своей, — Поверь мне, этот мальчик смотрит на тебя так же, как уже много лет на меня смотрит мой Марк. Тебе нечего бояться. Ты сама еще не осознаешь, как много значишь для Александра.

Стефания ласково целует меня в висок и переводит разговор на другую тему, замечая, что мужчины возвращаются к нам.

Остаток вечера я все еще думаю над ее словами, и вместе с этим начинаю испытывать острую тоску.

Сегодня наш последний день в Сиэтле, и завтра пора возвращаться в Институт.

Но я... не хочу.

Я хочу остаться здесь, чтобы сохранить то, что только выстроилось между мной и Алеком. Не хочу потерять это по возвращению домой.

Алек замечает, что я погружена в себя, и предлагает мне вернуться в номер, так как вечер итак уже подходит к концу. Я скромно киваю, и вскоре мы прощаемся с Марком и Стефанией, и даже Алек был тронут их отношением. Он долго прощается с Марком, я — со Стефанией, в которой нашла родную душу. У них с Марком не было детей и, может, поэтому они все ту любовь и житейскую мудрость, которую испытывали, сполна дарили и нам с

Алеком?

Мы поднимаемся на лифте все так же молча. А зайдя в номер, я тепло улыбаюсь Алеку, желая ему спокойной ночи.

— Фрэй, все хорошо...?

Алек ловит меня за локоть, когда я хочу зайти к себе, и я обманчиво киваю.

Мне страшно. Мне до одури страшно.

Что я потеряю этого спокойного Алека, когда мы вернемся.

И мне больно.

От того что... люблю его.

Завтра мы уедем. И эта сказка останется у меня только в памяти.

— Все хорошо, Алек. Я просто устала.

Знаю, что он не верит.

Но что он может сказать в ответ?

Я захожу к себе в комнату и пару минут просто смотрю на пустую кровать, понимая, что вчерашняя ночь с Алеком еще долго будет преследовать меня. Я уже ощущала себя невероятно одинокой.

Устало останавливаюсь возле зеркала и пытаюсь расстегнуть замок на платье, но, черт возьми, никак не могу за него ухватиться.

Я пыхчу так около минуты, пока дверь в мою комнату не открывается и в комнату не заходит спокойный Лайтвуд.

— Алек?

Я нервно убираю руки с полурасстегнутого замка и напрягаюсь, когда Алек подходит слишком близко. Он уже успел снять пиджак, его рубашка все еще была расстегнута на пару верхних пуговиц, а рукава закатаны до локтя, предоставляя обзор на его сильные крепкие руки.

— Давай помогу, — тихо, но не требуя возражений, говорит Алек.

— Я справлюсь. Спасибо.

Парень тяжело сглатывает и встает вплотную ко мне, разворачивая меня спиной к себе. Я, понятное дело, брыкаюсь, настаивая на том, что мне не нужна помощь. Алек слишком настойчив, и мне приходится уступить, чтобы не устроить скандал на пустом месте.

— Хорошо, но только до талии.

Потому что я не хочу, чтобы Алек увидел мою поясницу, а он ее увидит, если расстегнёт до конца. Он увидит все шрамы и рубцы, стоя так близко ко мне.

Я не выдержу этого стыда и унижения.

Не хочу, чтобы Он видел.

Я разворачиваюсь к нему спиной, придерживая платье на груди и на животе, а Алек встает слишком близко. Я чувствую, как тяжело он дышит, и чувствую его напряжение. Между нами снова все искрит и сверкает, словно предупреждая о необратимости при еще большем сближении.

Он подхватывает замок и медленно опускает его, а когда доходит до талии, я понимаю, что он не собирается останавливаться, поэтому пытаюсь вырваться, но он держит меня крепко. Словно знал, что я так среагирую.

И когда замок оказывается полностью расстегнут, Алек шумно выдыхает, а я не сдерживаю слез унижения.

Алек, несомненно, все видит. Он понял все еще в тот день, когда увидел меня перед

зеркалом. И он специально это сделал. Специально растегнул до конца, чтобы понять, что тогда вызвало у меня такую тоску.

Я жду, что он уйдет.

Жду, что он сделает вид, что ничего не заметил.

Жду, что он оставит меня, увидев мои слезы и уличив меня в слабости.

Но Алек этого не делает.

Вместо этого он проводит подушечками пальцев по линии позвоночника и, спустившись к пояснице, так же уверенно и не колеблясь, проводит и по ним, отчего я цепенею.

Никто не касался их прежде. Даже я старалась не трогать их.

А когда я ошарашенно поднимаю глаза, устремляя взгляд в зеркало, я ловлю в отражении уверенный и прожигающий взгляд Алека.

— Ты не должна этого стыдиться.

— Ты не понимаешь... — хрипло шепчу я, но Алек лишь качает головой.

— Тебя ничто не испортит, Клэри. Никакие шрамы. Ничто.

Я снова пытаюсь вырваться, но Алек не дает мне этой возможности, а лишь резко разворачивает меня так, что мое заплаканное лицо оказывается напротив его. Алек кладет свою одну руку на оголенную поясницу, пропуская по мне мощнейший разряд и пробудив рой бабочек в животе, а второй поднимает мой подбородок, чтобы поймать мой взгляд.

А когда он делает это, то практически сразу опускает свои губы на мои.

Окончательно разрушив черту между нами.

17: Клэри

Я с жадностью отвечаю ему.

Запустив пальцы в его растрёпанные волосы, я только сильнее притягиваю его к себе, чувствуя растекающийся по телу жар и трепет.

Это было невероятное чувство.

Быть так близко к нему.

Целовать его.

Чувствовать, как он обнимает тебя.

— Алек...

Я успеваю только выдохнуть его имя, когда мы отстраняемся чтобы уткнуться лбами и перевести дух.

— Не надо, Фрэй. Не спрашивай.... - хрипло выдыхает Алек, с каким-то отчаяньем в голосе.

Которое полностью отражало мое внутреннее.

Поэтому я послушно умолкаю, отбросив в сторону все вопросы. Как и Алек, я не хочу ни о чем думать, не хочу анализировать и рассуждать. Хочу просто наслаждаться этим моментом. Жить здесь и сейчас.

Алек нежно касается руками моего лица, и спустя секунду его губы снова целуют меня, вызывая у меня жар и прожигающую потребность в его прикосновениях. Я тяну Алека ближе, задыхаясь, прижимаюсь к нему, боясь отстраниться даже на пару секунд. Алек словно чувствует тоже самое, потому что не размыкает наш поцелуй и так же крепко держит меня в своих руках.

Он касается подушечками пальцев моей спины, спускается по позвоночнику, отчего я дугой выгибаюсь и мы соприкасаемся с Алем лбами, а он снова проводит пальцами по шрамам, спускаясь все ниже и ниже. Он нежен и осторожен, при том, что каждое его движение сопровождается уверенностью и непоколебимостью, все это лишает меня дара речи. Алек так же медленно и так же осторожно оттягивает мое платье и то послушно летит вниз, обнажая меня настолько, что спрятаться уже не получится.

Алек обнимает меня за талию и снова целует меня, но на этот раз очень медленно, растягивая каждое движение, каждое действие.

Но я не Алек.

И я слишком долго об этом мечтала.

Поэтому выкинув из головы все пугающие мысли и предрассудки, я уверенно выхожу из платья и ногой отбрасываю его в сторону. Алек отрывается от моей шеи только для того, чтобы заглянуть мне в глаза, а я, пользуясь случаем, резко притягиваю его к себе за ворот расстёгнутой рубашки, чувствуя легкую улыбку парня.

Он может и мог быть таким размеренно-чувственным.

Я же просто не могла медлить.

Во мне все взрывалось от этих поглощающих чувств.

Я зарываюсь пальцами в непослушные отросшие волосы Алека и всем телом прижимаюсь к нему, отчего и сам парень перестает медлить и уже крепко подхватывает меня, чтобы почти сразу усадить на комод. Это позволило мне обвить Алека ногами и за

рекордное время оторвать к черту все пуговицы на его рубашке, потому что дрожащие пальцы были не в состоянии просто расстегнуть их.

Они рассыпаются по полу, но кажется, это ни одного из нас не волнует. Алек, тяжело дыша, спускается губами к моей шее, снова лишая меня возможности дышать и трезво мыслить. Пока я, как выброшенная на берег рыба, хватаю ртом воздух, которого мне открыто не хватало, Алек снова опускает руки мне на поясницу, и в этот раз я даже не дергаюсь и не стесняюсь, поэтому он уже несколько грубее вжимается пальцами мне в тело, явно сдерживая себя от наплыва чувств.

Нас неизбежно влекло друг к другу.

Огонь и лед. Холод и жар. Вечное сопротивление друг другу, неповиновение и противостояние чувствам, ничто из этого не могло сломить ту связь между нами, которая образовалась в первый же день.

Ненависть.

Равнодушие.

Ярость.

Игнорирование.

Все это было, и сила этих чувств и эмоций, словно накаляла нас с Алеком, чтобы сейчас, когда мы наконец-то переступили через выстроенную нами дистанцию, обоих поехала крыша от того, с какой силой на нас обрушится все то, что мы так ярко игнорировали и не подпускали к себе.

Если даже Алек не смог приручить глубину этих запретных и неправильных чувств, то, что говорить обо мне? Я капитулировала в тот же день, когда он просто обратился ко мне по имени без того холода и той иронии, которая всегда была присуща ему в отношении меня.

Мы так и не заснули и встречали рассвет в полном молчании, крепко прижавшись друг к другу

Мы не перешли с ним грань, и ночью не произошло ничего, за что сейчас могло быть стыдно или неудобно. Всю ночь мы лишь неистово целовались и обнимались, просто наслаждались той близостью, которая наконец-то перестала быть чем-то запретным.

Мы не перешли грань не потому, что этого не хотели, а потому что даже в этот момент, когда я перестала контролировать себя и сдалась ему беспрекословно, Алек все еще контролировал ситуацию, не позволяя нам с ним зайти далеко.

Потому что это был Алек.

Он не торопился в таких важных вещах.

Если мой мозг в ту минуту был полностью отключен, то Алек не терял самообладание до такой степени. Он прекрасно понимал, что это роковая для наших с ним отношений ночь и не стоит усугублять ее таким кардинальным аспектом.

В самые острые моменты, он находил в себе силы отстраниться и перевести дыхание, дав нам с ним возможность немного остыть, после чего снова притягивал меня к себе, с головой окунаясь в ту страсть которая овладела нами.

Все итак происходило слишком интенсивно и необузданно, и усложнять это сексом точно не было правильно.

Мы оба боялись потерять то важное, что образовалась между нами, и никто не хотел испортить все необдуманном действием.

И если этому еще сопротивляться было можно, то вот потребности в близости и желании касаться друг друга, сопротивление было бесполезным. Поэтому мы не прекращали

целоваться и жадно исследовать друг друга, теряясь в тех ощущениях, которые нас охватили.

Мы усмирились лишь под утро, когда обессилено прижались друг к другу и устремили взгляд в окно, где вступал в свои права рассвет. Я прижималась спиной к голой груди Алека, и крепко держала его за руку, который он обнял меня и притянул к себе. Сам парень подпер мою голову своим подбородком и периодически зарывался лицом в мои растрепавшиеся волосы.

И все в этот момент было...правильно.

Мы не говорили с ним о том, что произошло и все еще происходит, потому что никто из нас не хотел нарушать этот покой и рушить все ненужными речами. Хотя оба уже начинали мысленно анализировать эту ночь и беспокойно придумывать план отступления. Утро уже не могло скрывать нас от реальности, как это делала ночь, и мы неизбежно встречали в своей голове мысли, которые не радовали ни одного из нас. Я чувствовала, как напрягся Алек, явно осмысляя все случившиеся, я знаю, что он почувствовал, как напряглась я, когда вспомнила про наш неизбежный отъезд, но та разрушенная стена, уже не позволяла нам с Алеком так быстро надеть на себя ничего не выражающие маски и снова оттолкнуть друг друга.

Мы оба сопротивлялись этому.

Потому что не хотели расставаться с тем, что обрели этой ночью.

Больше... не хотели.

— Не хочу уезжать, — тихо говорю я, когда меня пронзает ужас от того, с чем могу столкнуться, как только Алек встанет с кровати.

Оттолкнет? Сделает вид, что ничего не было? Признает, что это было неизбежно, не нам лучше остановиться? Напомнит, что мы друг для друга под запретом? И что, если это разрушит ту возникшую идиллию между нами?

Я не хочу снова потерять отношение Алека.

— Не хочу вставать с этой постели, — так же тихо отвечает Алек, и когда я облегченно усмехаюсь, парень крепче притягивает меня к себе, отчего по моему телу снова распространяется приятное тепло.

— Алек...

— Я знаю, о чем ты думаешь, — просто перебивает меня парень, когда слышит мой жалобный голосок. — О том, как я отреагирую, и что нам делать с тем, что случилось. Я знаю это, потому что думаю о том же самом.

Мы одновременно вздыхаем.

— Ты жалеешь обо всем этом?

— Нет, Фрэй. Что за глупый вопрос, — с раздражением отвечает Алек, — Конечно, я ни о чем не жалею.

Этого достаточно, чтобы я расплылась в глупой улыбке.

— Я тоже.

Пусть я и не вижу лицо Алека, я знаю, что ему тоже было важно это знать. И его тихий вымученный вздох только подтверждает мои слова.

— Я не хочу уезжать... — снова жалобно пишу я, чувствуя, что на глаза накатываются слезы от страха того, что мы снова отдалимся друг от друга.

— Клэри...

Алек выдыхает мое имя со всей присущей ему чувственностью и сожалением. Я крепче прижимаю его руку к себе, а Алек переворачивает меня на спину и нависает надо мной

сверху, бережно утерев большим пальцем мокрые щеки. Мне приходится посмотреть на него и то, с какой нежностью он смотрит на меня, только ускорят поток слез.

— Ну, ты чего, Фрэй?

Алек мягко улыбается мне и соприкасается своим лбом с моим, нежно проведя пальцами по мокрой щеке.

— Это все из-за отъезда, да? Вчера, ты была такой тихой из-за него, да?

Просто киваю.

— Клэри, он ничего не изменит.

Я снова виновато смотрю ему в глаза, пока парень утирает мои слезы.

— Мы вернемся в Институт, и между нами ничего не изменится. Я не собираюсь больше бегать от тебя. Это бесполезно.

Алек усмехается, и я глупо хмыкаю в ответ.

— Но что если...

Алек не дает мне договорить, потому что понимает, что меня так страшит во всем этом.

— Никаких если, Клэри. Ты и я, мы как-нибудь справимся.

И я верю ему.

Я верю, что Мы справимся.

Конечно, никуда мы не уехали.

Мы пролежали в обнимку до обеда, и за тот оставшийся час, что был, Фрэй потратила на сборы, а я на размышления, скрывшись в ванной. Да, я был чертовски напуган тем, что эти чувства к примитивной обрушились на меня такой лавиной. Но я был счастлив. Я был счастлив все это время с ней.

И хочу ли я лишать себя этого счастья?

Определенно, нет.

Да, еще пару месяцев назад я сильно надеялся, что смогу избежать всего этого, но увы, я ошибся. Сильно ошибся. Чувства к Клэри всегда были сильными. Будь это злость, ненависть, раздражение, преданность, уважение, или, вот пожалуйста, любовь.

Стоило мне перестать прятать эти чувства в себе и дать им вырваться на свободу, мир вокруг засиял новыми красками. Я просто потерялся во Фрэй в эту ночь. И я хотел теряться в ней снова и снова.

Она поглощала меня.

Увлекала.

Я послушно принял свое поражение перед ней.

И теперь я хочу, чтобы она так же приняла и свое. Потому что Фрэй прилично нервничала, и как бы я ни пытался подбодрить ее, она все равно ждала от меня подвоха. Прекрасно понимая, что эту «репутацию» я заслужил по своей вине, я не нашел ничего лучше, чем позвонить Ходжу и выпросить у него неделю отпуска. Он, конечно, не сопротивлялся, потому что я впервые о чем-то просил его, тем более о том, что, вроде как, итак заслужил. Я передал ему все, что просил Марк, и, выслушав от меня отчет о том, как все прошло, Ходж спокойно выдал нам выходную неделю, лишь неуместно спросив, чем вызвано мое решение.

— У вас же ничего не случилось?

Закатив глаза, отвечаю, что нет, и мы с примитивной не убили друг друга за это время. Ходжу этого достаточно, чтобы отстать от меня.

После этого неохотно звоню Изабель, уже с раздражением предвкушая ее реакцию.

— Мы останемся в Сиэтле еще на неделю.

Сестра молчит ровно пару секунд.

— Почему?

— Потому что мы так... решили.

Устало провожу рукой по мокрым волосам, пока Иззи молчит. Для нее вообще это не характерно, но сейчас я рад хотя бы тому, что она не мучает меня своими шутками.

— Алек, все хорошо?

— Да.

— И именно поэтому вы остаетесь там еще на несколько дней? Потому что между вами... все хорошо?

Я ценю ее тактичность, и ее мягкий тон явно дает понять, что сестра все поняла, кроме того, как я сам отношусь к этому. Поэтому, вымученно вздохнув, честно отвечаю ей.

— Да, Иззи. Именно поэтому. Подстрахуешь нас в Институте?

— Без проблем, братец.

Я уже прощаюсь с ней, как Изабель снова обращается ко мне.

— И да, Алек...

— Что, Иззи?

— Я так рада.

На удивление я не сдерживаю глупой ответной улыбки, когда слышу ее шепот, который не мог скрыть детского восторга, охватившего ее.

— Я тоже, Иззи. Я тоже.

— Алек? Ты уже собрался?

Фрэй металась по комнате, нервно бросая вещи в свою спортивную сумку, и пару минут я просто наблюдал за ней, прислонившись плечом к стене. Девчонка так была погружена в свои мысли, что мало того, что не замечала меня, стоящего в проходе, так и вещи кидала совсем уж лихо. Словно брала их из шкафа просто на ощупь и не глядя.

— Нет, — спокойно отвечаю я, пожав плечами.

Клэри широко округляет свои глаза и непонимающе указывает рукой на часы.

— Нам скоро уезжать, Алек!

Она отворачивается и берет с кровати свою толстовку, которую несет в шкаф, вместо того, чтобы бросить в сумку. Она нервничала, и ее дерганное поведение это только доказывало.

Когда она устает создавать видимость активных сборов, она с тихим ругательством отбрасывает какую-то кофту, и разворачивается ко мне с выражением лица, которое я так любил. Она скрывает свою неуверенность за маской вызова.

— Ты не хочешь пойти собрать вещи?

Снова поджимаю губы и качаю головой.

— Алек...

Клэри напряженно проговаривает мое имя, поэтому я больше не могу издеваться над ней. Я подхожу к ней ближе и сажусь на кровать рядом с ее сумкой. Девушка не отрывает от меня пристального внимательного взгляда и, кажется, вообще перестала дышать.

— Нам сегодня не нужно в аэропорт, — как можно мягче говорю я, протянув руку к Фрэй.

Она осторожно берет ее, и, сжав, поднимает непонимающий взгляд на меня.

— Разве... разве мы...

Перебиваю ее бормотание, потянув на кровать, чтобы девушка села рядом.

— Я взял у Ходжа недельный отпуск.

По мере того как до девушки начинает доходить, ее лицо постепенно смягчается и нервное непонимание уходит.

— Но... зачем?

— Потому что ты не хочешь уезжать, — и, отпустив взгляд, провожу рукой по своим волосам, чтобы привести спутавшиеся мысли в порядок, — Потому что я не хочу уезжать.

Я глупо усмехаюсь и, протянув руку, к лицу примитивной, нежно касаюсь ее щеки.

— Мне хорошо с тобой здесь. Нам... хорошо.

— Алек...

— Этого ничего не изменит, Клэри, — вернулись бы мы сегодня или вернемся через неделю, это не изменит наших с тобой отношений. — Я с тобой. Всегда был и буду.

Когда из глаз девушки хлынули слезы, я сначала испугался, подумал, что опять где-то

оплошал. Но когда она бросилась ко мне на шею, и по собственнически уселась мне на колени, уткнувшись лицом мне в шею, я по-доброму возвел глаза к потолку.

Эта девчонка всегда вызывала у меня бурю эмоций.

Сильных и крайне противоречивых.

Иногда меня это пугало. А порой просто раздражало.

Но в такие моменты как сейчас, когда это Я был виновником таких теплых эмоций, я был счастлив.

Счастлив от того, что Фрэй разделяет их рядом со мной.

После того, как расчувствовавшаяся Клэри перестала хлопать носом, я взял ее в охапку и принес в зал, где мы и провели время вплоть до вечера. Клэри наконец-то стала сама собой, и озорной, полный жизни взгляд зеленых глаз снова украшал мою жизнь.

А болтливость Фрэй, как и в старые добрые времена, снова заставляла меня возводить глаза к потолку.

— Алек, ты только посмотри!

Клэри, отбросив назад свой рыжий хвост, подпрыгнула на диване и почти сразу соскочила с него, восторженно указав рукой на экран телевизора, где крутили рекламный ролик с местным колесом обозрения.

— Посмотрел. И что?

Я действительно не понимал, что ее так взбудоражило. Подумаешь, какая-то металлическая конструкция, которая пользуется спросом у всех этих примитивных.

— Разве тебе не хочется прокатиться на нем?!

Я отложил кружку с кофе и иронично посмотрел на экран телевизора.

— На этой большой уродливой штуке, построенной криворукими примитивными?

Клэри зло хмурит брови, когда я, не скрывая недоумения и открытого сопротивления во взгляде, поворачиваю голову к ней. Как только ее взгляд тяжелеет, я спокойно отворачиваюсь от нее и возвращаю себе в руки кружку с кофе.

— Нет. Не хочется.

Следующие полчаса мы провидим в привычном нам споре: Фрэй отстаивает примитивных, убеждая меня, что криворукостью они не страдают, а вот вкусом и чувством прекрасного точно от нас отличаются. Я же пытался ей доказать, что «подобные развлечения» не могут вызвать у меня другую реакцию, и я не собираюсь признавать какую-то архитектурную привлекательность и культурную значимость этой штуковины.

Наивно было полагать, что наш спор не закончится тем, что Фрэй демонстративно оденется и выйдет из номера, хлопнув дверью. Еще наивнее было полагать, что я, раздраженно не замычу, и не попрусь следом за этой строптивой девчонкой.

— Фрэй, стой!

Девчонка только ускоряет шаг, отбросив за спину свой длинный серый шарф. Сдерживаюсь, чтобы не зарычать от ее упрямства.

— Клэри, да стой!

Клэри одергивает мою руку, когда я хватаю ее под локоть и разворачиваю к себе.

— Ну, чего ты обижаешься?

Я уже сменил гнев на милость, и сейчас, глядя в эти бездонные глаза примитивной, все ссоры и разногласия отступают для меня на второй план.

— Это ты сразу лезешь в бутылку!

Если бы Фрэй сейчас в совокупности со своим выражением лица топнула ногой, я бы точно не сдержался от смешка.

Она в такие моменты очень напоминала мне Черча.

Но будь я проклят, стоит мне даже заикнуться об этом Фрей, девчонка свернет мне шею, даже не моргнув глазом.

— Ох, Клэри...

Я шумно выдыхаю и устало провожу рукой по своим отросшим волосам. С Клэри всегда было не просто. Но я прекрасно понимал, что ей так же всегда было не просто и со мной.

Злость Фрэй постепенно сдувается, как воздушный шарик. Это видно по ее глазам. Поэтому, с какой заботой она смотрит на мои усталые движения и как осторожно теперь всматривается мне в глаза.

Поэтому я делаю к примитивной еще один шаг и, встав вплотную к ней, нежно касаюсь пальцами ее волос, приглаживая их с той стороны, где они были взъерошены.

Теперь, когда некоторые границы между нами были перечеркнуты, я старался как можно чаще касаться ее, наслаждаться тем, что эти прикосновения больше не находятся для меня под запретом. Мне нравилась на ощупь ее нежная кожа, я любил касаться ее волос, которые напоминали мне солнце, которого всегда так не хватало в нашем сумеречном мире. Она буквально освещала мою жизнь. Пусть я сначала и жмурился от этого яркого света.

Сейчас, когда Фрэй приняла свою сумеречную сущность, этот свет в ней стал несколько приглушенным, что позволяло мне уже не бояться этого свечения и не жмуриться, но в то же время это заставляло меня и сочувствовать ей, ведь Фрэй тоже оказалась погружена в этот мрак.

— Я не хочу ругаться...

Клэри закрывает глаза и утыкается лицом мне в грудь, обняв меня за талию. Она крепко вдыхает мой запах, который, судя по всему, действовал на нее также успокаивающе, как на меня — ее.

— Я тоже не хочу ругаться, Алек. Извини.

Зарывшись лицом в ее волосы, я крепко прижимаю девушку к себе, умиротворенно выдыхая ей в волосы.

Фрэй ласково касается рукой моей щеки, и, когда я открываю глаза и вижу, с какой любовью она смотрит на меня, я наклоняюсь к ней, чтобы поцеловать. Фрэй сразу отвечает мне, и стоит мне коснуться ее губ, я понимаю, что не променяю это ни на что на свете.

Фрэй была маленькой и миниатюрной, но в моих руках она была тем самым сокровищем, которое нужно держать как можно крепче, чтобы не упустить и не потерять.

Я не мог без нее.

Уже — не мог.

— На кой-черт тебе сдалось это чертово сооружение? — хрипловато ворчу я, когда она отстраняется и снова обнимает меня.

А уже через пару минут я послушно плетусь вместе с ней к этому объекту местного достояния.

Слава ангелам, оно находилось в нашем районе и нам не пришлось тратить много времени, чтобы добраться до него.

Как я и предполагал, эта штука нисколько не впечатлила меня. Да, вечером открылся отличный вид на город, но, пожалуй, на этом и все. Нам пришлось прокатиться на нем два раза, потому что в первый раз я выдержал «обзорной экскурсии» буквально четверть круга, а после отвлекал девчонку поцелуями. Конечно, нам пришлось ехать второй круг, чтобы Фрэй все-таки посмотрела, какой открывается вид на город с самой верхней точки этого колеса.

Теперь, когда я был рядом с ней, мне хотелось все время ее касаться, целовать ее и обнимать, крепко прижимая к себе. Я так давно жил в своих же запретах и возведенных рамках, что и забыл, какого это, когда можно делать то, что хочется. И то, что правильно для

тебя.

Обратно мы шли, неспешно прогуливаясь по вечерним улицам Сиэтла, и я только и делал, что поправлял Фрэй ее шарф и ворчал, упрекая ее в том, что она слишком легко одевается отчего и мерзнет. Но Клэри мое поведение почему-то казалось милым. Она все время улыбалась и заливисто смеялась, прижимаясь ко мне, и заставляя меня обреченно вздыхать.

Мы вернулись в номер, и, не дав примитивной далеко уйти, я притянул Фрэй к себе прямо в коридоре. Пока Фрэй смеялась, я абсолютно серьезно вдыхал запах ее волос, который умиротворял меня и наполнял мою грудь каким-то уютным теплом и светом. Я так долго держал себя в рамках, не позволяя себе этих касаний и прикосновений, что сейчас, мне просто сносило голову от мысли, что теперь я могу это делать постоянно.

Не боясь.

Ни того, что Фрэй оттолкнет меня, ни того, что это может быть не правильно.

Теперь между нами все было правильно.

Так, как и должно было быть.

Маленькая девочка стала моей.

Во всех смыслах.

Мы с Алеком целовались без перерыва. Всегда. Везде. Каждую минуту.

Словно пытались нагнать упущенное время и насытиться тем, что имели сейчас. Алек все время был рядом, все время касался меня, обнимал, не давал мне отстраниться.

Алек был очень глубоким. Меня всегда поражала его внутренняя красота, его выдержка, стать и характер. Он был полон разных чувств и эмоций, но он всегда держал это под замком, и справлялся со всеми трудностями с выпрямленной спиной. Алек был сильным не только физически, но и морально.

Он умел справляться с эмоциями, умел направлять их.

И даже сейчас, чувствуя, что Алека разрывает от тысячи эмоций и чувств, он все равно держал лицо, не дав мне усомниться в его чувствах.

Я все еще не верила, что мы с Алеком перешли грань. Да и он, кажется, сам еще не до конца осознал это.

Теперь, когда я могла так свободно касаться его и показывать ему, как сильно я его люблю, и как много он для меня значит, мне казалось невозможным возвращение в наше прошлое.

Я уже не смогу без него.

Алек, который переживал больший перелом, в силу того, что долго время именно он держал меня на расстоянии, тоже понимал, что перемена наших взаимоотношений все равно занимает мои мысли. Алек все чувствовал. Все понимал.

— Клэри, по возвращению в Институт...

Мы только что отошли от стойки регистрации в аэропорту, и Алек отвел меня в сторону, где было меньше людей.

Сегодня все утро мы провели за сборами, из-за того, что не успели собрать свои вещи с вечера, потратив это время на более полезное времяпровождение в кровати. И все это время Алек был собран, несколько напряжен, и довольно молчалив. Он бросал на меня беспокойные взгляды, и мне каждый раз приходилось уверять в его в том, что я не собираюсь впадать в истерику из-за отъезда. Я успела морально подготовиться к этому и теперь, зная, что Алек действительно испытывает ко мне что-то настоящее и такое же сильное, мне было уже не так страшно возвращаться в «реальность».

— Ничего не изменится. Я обещаю.

Алек искренне озабочен ситуацией, и я только поддерживающе улыбаюсь ему, коснувшись ладонью его щеки. Этого касания достаточно, чтобы Алек устало закрыл глаза и потерялся о нее, как любил делать Черч.

— Я знаю, Алек. Мы справимся.

Мы летим пару часов, и не проходит ни минуты, чтобы Алек или я высвободили руку из нашей крепкой хватки. Мы как-то отчаянно цеплялись друг за друга, словно только это могло дать нам силы, чтобы встретиться с реальностью, от которой еще совсем недавно так удачно сбежали.

Возвращаемся в Институт на такси и, выйдя на улицу раньше, чтобы не афишировать ни себя, ни местоположение Института, прежде чем завернуть за угол, где располагался Институт, я перехватываю Алека за руку. Пронзительные глаза парня тут же обращаются ко

мне.

— Алек, давай сделаем все правильно.

Парень непонимающе хмурится, а я спешу объясниться.

— Я не хочу, чтобы наши отношения испортились из-за очередного вмешательства в них посторонних, когда они узнают, что мы с тобой сблизились.

Алек не отводит от меня тяжелого взгляда, и я прекрасно понимаю, сколько внутри него сомнений относительно моих слов. Он чувствовал, что мои размышления в самолете не беспочвенны и обязательно выльются на него подобной тревогой.

— Мне плевать на них, Клэри.

Я только крепче сжимаю его за руку.

— Алек, я люблю тебя, и ты это знаешь. Это необратимо и, боюсь, мои чувства к тебе с каждым днем только крепчают...

— Клэри...

— Но есть твоя мама, Алек, — перебиваю парня я, понимая, что его тронули мои слова о чувствах к нему. Мне было проще говорить о том, что я чувствую, поэтому я делала это, не стесняясь, зная, как важно это слышать Алеку, который привык все держать в себе до последнего, — Есть моя мама. Джейс. Саймон. Лидия.

Алек сглатывает и отводит глаза в сторону. Да, это болезненная тема для нас обоих. Его мама имела свои планы на будущее Алека. Да, Алек не разделял это, но суть оставалась прежней. Мариз хотела, чтобы Алек был счастлив и при этом, чтобы его репутация в Институте не была испорчена или взята под сомнение.

Учитывая, что мы с Мариз не были в теплых отношениях, стоило только догадываться, как она отнесется к нашему с Алеком «перемирию».

Моя мама тоже была проблемой. Она все еще остро относилась к окружающим меня сумеречным охотникам и подсознательно ждала, что я выберу Саймона. Мальчика, которого она знала с детства, и которому могла меня доверить. Мама всегда считала, что мы с ним созданы друг для друга, а после противостояния с Алеком, который не особо был к нам сердечен, когда мы оказались здесь, и сопротивления с Джейсом, который постоянно увлекал меня в неприятности, не дав мне разобраться с теми проблемами, которое принесла остальным я, мама вряд ли тепло приняла бы мое решение оставаться в Институте, не переезжая в Идрис, если бы оно не было связано с Саймоном.

— Давай не будем спешить. Нам нужно подготовить всех и постепенно подвести к нашим отношениям. Ты же понимаешь, Алек, все это вызовет резонанс. Ты и раньше это понимал.

— Клэри, я не боюсь реакции остальных.

— Я тоже, Алек. Но я знаю, как тяжело тебе будет на душе, когда ты не получишь в ответ хотя бы отчасти теплого согласия матери, и не увидишь поддержки в глазах Джейса. А Лидия? Твои родители считали ее идеальной партией для тебя, и Мариз не скрывала своих планов на ваше будущее. Если мы сейчас заявимся как пара... подумай, как будет выглядеть Лидия со стороны... Многие сочтут, что ты ее предал, а я встала на вашем пути.

— Клэри...

— Нам нужно дать им время принять нас, Алек, — настойчиво прошу я, желая, чтобы Алек «услышал» меня, — Твоим родителям нужно дать время и возможность увидеть нас с тобой в ином свете. Дать шанс Лидии, позволить ей выйти из этой ситуации с твоими родителями достойно, помочь ей не увидеть в глазах остальных жалость или сочувствие. И

тебе нужно поговорить с Магнусом. Прошло уже много времени с момента вашего расставания, и я знаю, Алек, что он уже давно не держит на тебя зла. Магнус тебе дорог, и ты дорог ему так же. Поговори с ним, Алек. Он всегда будет тебе хорошим другом. Неважно, что вы прошли, на чем остановились, и что не смогли перешагнуть. Не важно, кто ушел первым, а кто остался. Ты всегда был его другом. Я не твоя семья, Алек. Я не заставлю тебя выбирать. Все, что я могу сделать, это помочь тебе сделать все правильно: не начать очередное противостояние с родителями, не обострить положение с Лидией, не дать Магнусу исчезнуть из твоей жизни, не дать нам потерять «вернувшегося» Джейса.

Я не хочу, чтобы Алек потерял что-то важное для себя, только потому, что приобрел меня. Мы оба заслуживали быть счастливыми и не быть пленниками собственной семьи и обстоятельств.

— На счет Магнуса, Клэри... Ты... ты не ревнуешь? Это не пугает тебя?

— Это часть твоей жизни и она меня не пугает, Алек. Я люблю тебя таким, какой ты есть, со всем, что было в твоей жизни и со всем, что тебе дорого.

— Я никогда не хотел быть с Лидией....

— Я знаю, Алек.

— Я всегда хотел быть с тобой. Просто... принял это не так давно. Прости.

Да. Нам пришлось пройти немало на пути к тому, что связывало нас сейчас. Мне нужно было влюбиться в Джейса, потерять доверие Саймона, стать причиной ссор в семье Лайтвудов. Алек же должен был найти родственную душу в Магнусе, потом потерять из-за этого статус и положение в семье, обострить отношения с Джейсом, мучительно пережить осознание бессмертия мага, и суметь оставить его, когда пришло время. Теперь Алек боролся со своими демонами, пытался дать своей семье то, что она от него просила: уважение и послушание. Пытаться не изнывать от тоски по общению с Магнусом, который во многом понимал его даже лучше Иззи. И Алек пытался не обидеть Лидию, которую насильно толкали к нему в невесты. Алек хотел вернуть Джейса, но больше не мог переступить через себя, пока Джейс не вспомнил, что именно Алек лучшая часть его самого.

И Алек боролся со мной. С чувствами, которые я у него вызвала, с эмоциями которые он испытывал и не мог контролировать, и с обстоятельствами, которые нагло толкали его ко мне и к той пропасти, в которую мы оба боялись прыгать по отдельности.

— Главное, что мы есть друг у друга, Алек. И что бы ни случилось, знай, что я всегда рядом. Всегда была.

— Фрэй...

— Я не отступаю, Алек. Я просто пытаюсь не дать нам с тобой оступиться. Снова.

— Значит... делаем все постепенно?

— Они увидят перемену, Алек. Сначала отмахнуться от нее, подумав, что им показалось, потом присмотрятся внимательнее и начнут отрицать, а потом, когда увидят, что ничего не меняется, смирятся с этим и примут как данность.

— Тогда покажем, что мы... дружим? — Алек улыбается мне своей очаровательной скромной улыбкой, от которой у меня подкашивались ноги, и замирало сердце. Я ласково целую его в губы, поднявшись на носочки, прежде чем ответить на вопрос парня:

— Покажем им то, что им придется переосмыслить в первую очередь, Алек. Покажем им, что мы больше не ненавидим друг друга.

21: Клэри

Сейчас, после того как мы с Алеком благополучно вернулись в Институт, выполнив задание без всяких проблем, мы стояли перед ждавшими нас Изабель, Лидией, Раджом и Ходжем. Все, кроме Изабель, смотрели на нас слишком подозрительно.

— И... все?

Я вопросительно пожала плечами, встретив этот вопрос Ходжа, после того, как нас спросили о нашей миссии, и мы с Алеком спокойно ответили, что все отлично. Все ждали, что мы где-то налажаем из-за того, что «непереносим» друг друга. А сейчас, глядя на то, как спокойно Алек мне улыбается, все выпали в осадок.

— Говорим же, все сделали. Соглашение есть, мир тоже. Еще и помогли Марку вычислить демонов поблизости.

Лидия осмотрела нас довольно подозрительным взглядом. Я чувствую себя уже не так уверенно, потому что мне кажется, что у меня все написано на лице. А Лидия не была глупой девушкой.

— Кстати, где Джейс?

Да, этот вопрос беспокоил нас с Алеком больше всего. Я уже готовилась встретиться с Джейсом и выдержать его взгляд, когда он увидит нас. Джейс знал меня возможно лучше, чем кто-либо, и я сомневалась, что парень не увидит перемену. Да и врать Джейсу не сможет ни Алек, ни тем более я. Несмотря на то, что перед отъездом мы с Джейсом довольно мирно обсудили отношения между нами и парень вроде как наконец-то меня отпустил, именно его реакции я боялась больше всего. И полагаю, для Алека это тоже было очень важно.

Радж сразу небрежно фыркает, привлекая наше внимание.

— Он с Рафаэлем и Саймоном.

Алек сразу переводит вопросительный взгляд к Лидии, и девушка, бросив на Раджа неодобрительный взгляд, спешит пояснить, что они сейчас наблюдают за периметром, в котором недавно была замечена Камилла.

После чего снова спрашивает нас о Марке и в какой-то момент недоверчиво морщится.

— Вы что-то скрываете?

Здесь уже слово беру я.

— Вы по нам не соскучились, да?

Ходж сразу усмехается, да и Лидия уже намного мягче улыбается нам, покачав головой.

— Просто приятно видеть вас двоих живыми и не рассорёнными после этой миссии.

Лидия дружелюбно обнимает меня, вслед за Ходжем, после чего встает рядом с Алеком, чтобы сразу ввести его в курс дела относительно того, что было в Институте.

Изабель же, перехватившая меня сразу после этого, так крепко сжимает меня в объятии, что я едва не стону.

— Ну, Клэри, ты мне должна будешь рассказать все! Слышишь? Я хочу знать все!

Я только смеюсь, привлекая внимание остальных. Если Лидия смотрит на наши перешептывания с настороженностью, Радж — с присущей ему насмешливостью, то вот Алек смотрит слишком тепло. И я отвечаю ему таким же ласковым взглядом.

Мы с Иззи расположились в ее комнате и весь вечер провели, обсуждая наш с Алеком

«отпуск». Клянусь, я со школьных времён не чувствовала себя такой беззаботной влюбленной девчонкой, которая хихикала на каждую пошловатую шутку своей подружки.

— Иззи! Он же твой брат!

Изабель, закатив глаза, непринужденно повела бровью.

— И что? Я же не прошу тебя в подробных деталях описать секс или чем вы там двое занимались?

Я снова смеюсь, заглушив смех подушкой, а Иззи снова требует от меня всех интимных подробностей. Девушка была так рада, что Алек наконец-то принял то, с чем так долго боролся, понимая, что теперь на его душе будет легче, и он перестанет мучиться от своего одиночества.

— Что обсуждаете?

Алек, приоткрыв дверь, заглядывает в комнату с какой-то мальчишеской улыбкой. Как только наши взгляды встречаются, я сразу краснею, смущённо опустив взгляд. Иззи только фыркает.

— Тебя, братец.

Алек, аналогично фыркнув, только качает головой и заходит в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

— Я так и думал.

Алек подходит к нам и опускается на кровать Иззи, сев рядом со мной. Парень протягивает одну руку за моей спиной, облокотившись о кровать, а я послушно утыкаюсь лицом в его шею, удовлетворенно вздохнув запах парня. Алек ласково касается второй рукой моих волос, заправив мне их за ухо и до боли нежно целует в лоб.

— Вы такие милые!

Алек устало вздыхает, а я тихо смеюсь, прижав руки к вороту его черной футболки.

— Я так рада за вас! Я знала, что вы что-то испытываете друг к другу!

Алек только отмахивается от комментариев сестры.

— Иззи, хватит повторять эту фразу.

Мы все смеемся, после чего все шутки уходят, сменившись на более серьезный разговор.

— Почему вы ничего не говорите остальным?

— Потому что никто не готов к этому, — расстроено выговаривает Алек, и я сочувственно глажу его по руке, чтобы утешить.

— Да, реакцию мамы предугадать несложно. Но снизить первоначальное сопротивление твоему выбору будет намного проще, если действовать осторожно и без лишней напористости.

Я киваю на слова Иззи, и раздраженный вздох Алека заставляет нас с ней только переглянуться.

— Она никогда не примет мой выбор, каким бы он ни был. Я слишком часто не оправдывал ее ожиданий применительно к моей личной жизни.

— Алек...

— Остается надеяться только на то, что твоя мама не станет переживать из-за того, что ты выбрала меня. Надеюсь, она сможет принять тот факт, что ты не поедешь в Идрис, а останешься в Институте со мной.

Я отмечаю тактичность Алека, который не упомянул отношение моей матери к Саймону. Алек знал о том, что Джослин относится к Саймону намного теплее, чем к нему или к тому же Джейсу, мы с ним говорили об этом в Сиэтле. И зная, в каких отношениях

состоят сейчас Иззи и Саймон, он сделал правильно, что не посвятил в это сестру.

Поймав его выразительный взгляд, отвечаю ему своим — благодарным.

— Джослин примет это, — негромко говорит Иззи, и мы с Алеком снова поворачиваемся к ней. Глаза подружки пронизаны участием и искренней теплотой, — Она любит тебя, Клэри, и она сможет принять твой выбор, даже если он не будет совпадать с ее собственным.

В ответ на ее слова я только притягиваю ее к себе свободной рукой и крепко обнимаю, прежде чем отпустить, услышав слова парня:

— В отличие от нашей матери... — мрачно пробубнил Алек, положив свою голову мне на плечо.

Иззи только сочувственно кладет свою руку поверх его и выражает в своем взгляде всю поддержку, которую может ему оказать.

— У тебя есть я, Алек. А у меня — ты. Остальное не так страшно, когда мы есть друг у друга.

И наверно, самое трогательное и хорошее, что я видела за все время пребывания в Институте все это время, это отношения между Изабель и Алеком. То, как они относились друг к другу, было самым светлым и правильным во всем этом сумеречном мраке.

Всегда.

Мы вышли из комнаты Иззи все вместе. Лайтвуды отправились к Джейсу, а я направилась к Ходжу, чтобы снова обсудить с ним все детали переговоров и общения с Марком и Стефанией. Ходж не переставал сыпать искрометными комментариями относительно нашего «затяжного» отпуска, и мне пришлось не раз возмущенно разводить руки в сторону, вторя ему, что мы имели право отдохнуть.

Ходж только посмеивался и качал головой.

Уже перед сном, когда я лежала в кровати тоскливо разглядывая потолок из-за того, что уже привыкла спать с Алеком, а не одна, в мою комнату тихо постучали.

Я уже начала волноваться, гадая, кому могла понадобиться в такой поздний час, пока на пороге не увидела Алека, который быстро нырнул в проем и закрыл мою дверь.

— Алек?

Парень закатил глаза, уловив в моем тоне удивление, и подтолкнул меня к кровати.

— Я разучился спать один, Фрэй.

Алек скромно улыбается, когда я начинаю тихо смеяться, и ложится в мою кровать, поджав меня под себя. Я как маленькая девчонка краснею, чувствуя внутри тот самый рой бабочек, который он во мне вызывал.

Алек неторопливо целует меня, а я притягиваю его только ближе и ближе. Поцелуи Алека всегда были уверенными, проникновенными, он не торопился и всегда растягивал момент, чего не доставало мне. Я испытывала к нему столько сильных чувств, что просто не могла медлить. Это смешило Алека, и угнетало меня.

— Ты любишь во всем торопиться, — хмыкнул Алек, снова перевернув нас так, чтобы вернуть меня под себя.

Я только закатываю глаза, снова притянув парня к себе.

Мы целуемся уже не так размеренно, как прежде. Чувства накаляются, поцелуи становятся настойчивей, отрывистей, интимнее. Я поражаюсь тому, сколько чувств он во мне вызывает. Я задыхалась от нежности, теряла счет времени в порыве страсти, и я готова была сделать все, что угодно лишь бы это продолжалось как вечно.

Алек пришел в мою жизнь сумеречного охотника так же неожиданно, как и все остальное. Он часть моей жизни, которую я теперь так трепетно храню в своем сердце.

Все в моей жизни было не зря.

Потому что по итогу всех этих кошмаров и тайн, я осталась с ним.

Я получила подарок свыше в виде Алека Лайтвуда.

Я ничего хорошего от разговора с матерью не ожидал. Я не был таким уж пессимистом, но зная свою мать и ее «предпочтения», шел, практически, как на казнь. У нас с ней были сложные отношения.

Всегда.

Я рос под ее опекой, боясь где-то оплошать, чтобы не вызвать разочарование в стальном взгляде матери. Она всегда олицетворяла собой уверенность, власть и непробиваемую личность. Только с возрастом я смог понять, что сделало ее такой. Только поняв, что таит в себе сумеречный мир и проблемы, которые его преследуют. Только увидев, как она себя ведет в самой безвыходной ситуации, я оценил ее не как свою мать, а как лидера. Мариз была лучшей.

Да, категоричной.

Да, упрямой и верной себе.

Но она была лучшей из лучших.

С ней считались. Ее боялись. О ней говорили. Ее уважали. На нее хотели быть похожими.

И я хотел.

Пока не устал соответствовать идеалу, который этого не ценил.

Мариз слишком много на меня возлагала. Слишком много требовала и слишком много не говорила мне важных слов.

Я знаю, что она меня любит. Знаю.

Но порой мне казалось, что разочарование во мне уже давно пересилило что-то другое.

Я так часто ошибался, разочаровывая ее...

И так часто разочаровывался в ней сам...

Все было сложно, когда мы оставались наедине. В такие моменты я понимал, откуда во мне эта замкнутость и ярая защита своего внутреннего мира. Мать была такой же.

Она никого не подпускала близко, всегда выставляла дистанцию, и никто никогда не знал, что она чувствует на самом деле. Что ее тревожит, что беспокоит, что мучает по ночам.

Она была сильной.

И со временем я стал видеть в ней самого себя. И это пугало. Мы были с ней так непохожи во взглядах на управление или решение тех или иных проблем, но до банального схожи в привычках, поведении и характере. Да, я был мягче. Но только потому, что рядом всегда была Изабель, которая не позволила мне зачерстветь.

Мать всегда была строга к выбору, который я делал. Не спорю, по истечению времени, она часто оказывалась права, но я все равно поступал так, как считал нужным. Потому что она бросала мне вызов своими запретами. Потому что она вынуждала меня до последнего доказывать самому себе, что я не похож на нее.

Не знаю, почему она всегда пыталась заставить меня сделать другой выбор.

Хотела дать мне «лучшее»?

Сделать меня «счастливым?»

Я долго настраивал себя на наш разговор. Знал, что придется вспомнить Магнуса, с которым я имел счастье встретиться и найти в нем то, что не мог найти ни в ком другом.

Знал, что придется говорить о Лидии, которая была так похожа на меня и Мариз. Знал, что придется снова объяснять, что брак с Лидией не сделает ни ее, ни меня счастливыми, потому что мы с ней только партнеры. У нас одно дело, один Институт, одни проблемы. Она мой напарник, мой партнер, девушка, которую я всегда прикрою, даже если она меня об этом не попросит. Да, я испытывал к Лидии теплые чувства, но она никогда не вызывала во мне что-то большее.

А Фрей вызывала.

С первого дня.

— Александр?

Да, я не предупредил ее о своем приезде в Идрис. Поэтому сейчас, стоя на пороге ее кабинета, я понимал, почему она так удивлена. Я был редким гостем в Идрисе. А если я и был здесь, то только по каким-то семейным делам, по указанию Института или еще какой-то веской причине.

Мать приглашает меня пройти, и я улавливаю тень напряжения в ее движениях. Она готовится к очередному сопротивлению. Потому что еще ни один наш разговор в последнее время не прошел без скандала. Без сопротивления друг другу.

— Что-то случилось? Или ты решил просто навестить нас с отцом?

— Я хотел поговорить с тобой.

Мама поднимает на меня внимательный взгляд, после чего мы садимся друг напротив друга. Я стараюсь держать лицо, не показав матери, как на самом деле я волнуюсь и как боюсь очередного ее порицания. Которое неизбежно.

Мать смотрит на меня внимательно и словно пытается прочесть меня, пробиться через ту дистанцию, которую мы оба выставляем перед другими.

— Что-то с Изабель? С Джейсом?

Я отрицательно качаю головой и, выдержав небольшую паузу, все же поясняю.

— Нет. Это связано со мной.

И с Клэри.

Но я не говорю этого вслух.

Мариз сидит передо мной с идеально ровной спиной и поднятым подбородком. Я сижу точно так же.

И когда пауза в разговоре затягивается, я понимаю, что она ждет от меня первого слова. Глубоко втянув в себя воздух, я начинаю наш обреченный на сопротивление разговор.

— Я должен тебе сказать, что с Лидией у нас ничего получится. Мы друзья. Не более.

Мариз сдерживается от комментария, и, сощуриив глаза, ждет продолжения, понимая, что я все равно обозначу настоящую причину.

И я это делаю.

— Я люблю Клэри.

Как только эти слова повисают между нами, я чувствую облегчение от того, что сказал это. Потому что это правильно. Потому что я действительно это чувствую. Впервые за долгое время, я снова что-то чувствую. И снова рядом с Фрей.

Мать выдерживает долгую паузу, изучая мое лицо внимательным взглядом. После чего она медленно поднимается со своего места и встает у окна, повернувшись ко мне спиной. Опустив взгляд, только горько улыбаюсь, чувствуя очередное прожигающее чувство разочарования. И мне снова... больно. Я снова разочаровал ее. И она снова разочаровала меня.

Все у нас было построено на разочаровании друг в друге.

И я не хотел с этим мириться, потому что любил ее. Я хотел с ней нормальных отношений, хотел чувствовать себя нужным ей. Хотел показать, как она дорога мне.

Но не мог.

Потому что реальность была совсем другой.

— Ты влюблен в нее?

Поднимаю взгляд на спину матери, когда слышу ее спокойный и приглушенный голос. В котором еще скрыта наивная вера в то, что я сказал не то, что она услышала.

— Я люблю Клэри, — снова повторяю я, специально употребив именно это слово, а не предложенный Мариз термин «влюблен», — И сейчас я счастлив с ней.

Мама тяжело вздыхает и, сложив руки на груди, продолжает всматриваться в окно, заставляя меня чувствовать себя все паршивей.

Она молчит так долгие пять минут, после чего слегка поворачивает голову, предоставив мне вид на ее профиль.

— Значит, все-таки девочка Фэйрчайлд.

Она даже не спрашивает. Мать просто констатирует то, что должна была. И делает она это с печалью. Поэтому я сразу поднимаюсь на ноги и отвечаю ей раздраженным и протяжным:

— Мам...

Я хочу казаться незаинтересованным в ее реакции. Хочу показать ей, что я уже все решил и что ее ответ ничего не изменит.

Жаль только, что мое «хочу» перечит реальности.

Мама молчит, снова вернув свой взгляд к окну, и я теряюсь, впервые застав у нее такую реакцию. Я не знаю, уйти мне или остаться, поэтому напряжённо стою позади нее, в любой момент готовый покинуть ее кабинет.

Уже когда я на грани того, чтобы уйти, мать наконец-то нарушает тишину своим голосом.

— Знаешь, Алек, я долго думала, почему ты тогда выбрал Магнуса Бейна...

Я шокировано взираю на мать, не понимая, к чему она заводит этот тяжелый для нас разговор.

— Тогда твой выбор шокировал многих, и ты прекрасно помнишь, как остро восприняла его я.

Да уж. Такое не забудешь.

Я хмурюсь, не понимая, что мне делать: уйти, попросить маму перестать вспоминать об этом, снова отстоять перед ней свой выбор? Это была больная тема, и я не хотел снова получить ранение в сердце от человека, который значил для меня так же много.

— И сейчас, твои слова о девочке Фэйрчайлд...

Я морщусь, уже предчувствуя оскорбительную речь, но к своему удивлению не получаю ее.

— Я поняла, почему ты выбрал именно их. Почему именно они вызвали в тебе все эти чувства.

Мариз поворачивается ко мне и застаёт удивление на моем лице. Почему она говорит так... мягко?

— Ты выбираешь тех, кто нашел в себе смелость противостоять тебе. Тех, кто не побоялся «узнать» тебя, не смотря на дистанцию, которую ты выставляешь.

Я тяжело вбираю в себя воздух, глядя на то, с какой горечью она на меня смотрит.

— Ты выбрал тех, кто так не похож на тебя. — Мариз качает головой и, опустив взгляд в пол, продолжает, понизив голос почти до приглушенного шепота, — Тех, кто открыт миру, открыт окружающим. Тех, кто не боится чувствовать, показывать эмоции и жить ими. Ты выбрал их, потому что они единственные, кто смог перешагнуть через твой характер, чтобы узнать тебя.

Я поражен тем, что мать говорит со мной об этом.

Что она говорит со мной — обо мне.

— Ты выбрал их, потому что можешь взять у них то, в чем всегда был обделен, — Мариз горько хмыкает, прежде чем продолжить, — они дают тебе чувства. Они дают тебе их без одолжения, смело и искренне.

Я делаю шаг вперед, потому что впервые вижу ее перед собой такую. Она была не просто расстроена. Нет. Мариз словно приняла свое поражение. Она словно... сдалась. Впервые за всю свою жизнь.

Мама, услышав, что я подошел ближе, находит в себе силы поднять голову и поймать мой обеспокоенный взгляд. Проигнорировав мое тихое «Мам, не надо», она только качает головой.

— Они так не похожи на нас с тобой, Александр. Ни у Магнуса Бейна, ни у девочки Фэйрчайлд, нет такой защиты перед окружающими. Они живут чувствами и эмоциями, открыто. Они не борются с ними, как это делаем мы.

Мариз сглатывает и снова отводит взгляд.

— Вот почему ты выбрал именно их. Потому что они единственные, кто могут заставить тебя чувствовать. Они не боятся тебя.

— Мам...

Мариз отвернулась к окну, снова сложив руки на груди, словно только они были ее опорой. Снова ровная вытянутая спина, которая пару минут назад была опущена, словно ее придавил мощный груз. Снова немигающий взгляд, обращенный к окну, которое словно поглощало ее беспокойство.

Передо мной снова была Мариз.

Такая, какой я привык ее видеть.

Правда теперь, я видел в ней и ту женщину, которая только что позволила себе «подойти» ко мне ближе.

— Я больше не буду осуждать твой выбор, Александр. Будь это Магнус, или Кларисса, неважно. Ты все равно выберешь того, кого я не одобрила бы. И наверно, брак по расчету это действительно не для тебя. Ты не сможешь так жить. Ты сгоришь.

Комната снова наполняется тягостным молчанием. Я все еще поражен тем, что мать была со мной так открыта. Что она... приняла мой выбор?

— Мам...

Я встаю позади нее и, положив руку ей на плечо, заставляю мать обернуться.

— Алек, — мягко и с полной печалью в голосе, обратилась ко мне мать, когда снова повернулась ко мне, — Такие люди, как Магнус и Кларисса, могут сделать тебя счастливым. Только они. Но ведь они и те, кто могут тебя уничтожить. Ты подпустил их слишком близко, и будешь подпускать все ближе и ближе, пока не откроешься им полностью. И не приведи Бог, вы споткнетесь. Потому что они будут знать, что делает тебя уязвимым. Они будут знать, чего ты боишься. Они будут знать, как сломать тебя!

Мать говорит с надрывом, с какой-то суровой обреченностью в голосе. Я впервые за долгое время признаю, что скучал по ней. Что скучал по ней настоящей. Я дико скучал по этой женщине, которая любила меня. Которой я был важен.

Мариз замолкает, когда я касаюсь ее, и когда она видит в моих глазах непоколебимую уверенность в том, что все будет хорошо, она негромко выдыхает и осторожно, словно боясь, что я оттолкну ее, касается своей ладонью моей щеки. Так бережно. Так нежно.

Я превращаюсь в обычного мальчишку, который любит свою мать. В мальчишку, которому нужно ее внимание. Ее любовь.

Закрываю глаза непроизвольно, и, как заблудившийся кот, который только что вернулся домой, трусь щекой о ее ладонь.

— Алек, ты потеряешь эту броню.

Открыв глаза, застаю ее грустный взгляд и, когда она тянется второй ладонью к моей груди, чтобы приложить ее к моему сердцу, я тянусь к ее лицу, чтобы утереть скатившуюся редкую слезу с ее глаз.

— И я не знаю, хорошо это для тебя или нет. Не знаю, Алек.

— Мам...

— Ты во многом похож на меня, Александр, хоть и пытаешься отрицать это. И сейчас, глядя на свою жизнь, мне начинает казаться, что самое лучшее, что мне нужно сделать — это просто не мешать тебе. Я хорошо тебя воспитала, и я вижу, каким достойным мужчиной ты стал, Алек. Я все это вижу. Единственное, что я хочу, это чтобы ты не потерял себя и все, над чем так долго трудился, только из-за мимолетного увлечения! Из-за того, что отдал себя чувствам, которые тебя поглощают.

Мариз вздыхает и снова качает головой.

— Но когда я сморю на тебя, я понимаю, что ты не заслужил жить в таком же панцире, в котором столько лет живу я. Я не хочу, чтобы ты потом жил и чувствовал себя так же, как сейчас я. Не хочу чтобы ты стал таким же... пустым.

Я больше не в силах сдерживать себя, поэтому крепко обнимаю мать, прижимая ее к себе. Чувствую, как беззвучно льются с ее глаз редкие слезы. Чувствую, с каким облегчением ее плечи опустились, как расслабилась спина. Чувствую, как для нее важен этот момент между нами.

Я все это чувствую.

Потому что эти чувства испытываю и сам.

23: Клэри

— Мам, привет.

Я довольно неуверенно мнусь на пороге, прежде чем войти в дом.

— Клэри! Ты вернулась!

Джослин крепко меня обнимает и я, уткнувшись лицом в ее шею, самозабвенно вдыхаю родной запах, чтобы успокоить себя. Джослин все поймет. Она примет мой выбор.

— Милая, ты кажешься чем-то расстроенной, — мама ласково заправляет мои волосы и, обняв за плечи, ведет меня на кухню. — Ты давно вернулась?

— Позавчера. Мы прилетели после полудня.

— Ох, почему не пришла раньше?

— Ходж завалил делами, сама понимаешь.

Если честно, я просто оттягивала этот момент. Я оттягивала разговор со всеми: и с Саймоном, и с Джейсом, которого еще не успела застать (и, честно говоря, не хотела) и, вот, с родной матерью тоже.

Если бы не Изабель, я бы и дальше отсиживалась в своей комнате, разговаривая сама с собой.

— Милая, ты и, правда, кажешься уставшей! Может, что-то случилось?

Джослин всегда была проницательна.

А уж когда дело касалось меня...

— Ну, не то чтобы случилось...

Я невнятно бормочу, разведя руки в сторону и опустив взгляд в пол. Конечно, мама сразу подозрительно меня осматривает и спустя пару минут просто садится на стул напротив меня.

Я понимаю, что это тот самый момент, чтобы начать этот непростой разговор.

— Ты снова с Джейсом?

Что? Я удивленно поднимаю взгляд на мать, и несколько возмущенно качаю головой.

— Нет! При чем здесь Джейс?!

Мама сразу качает головой, с облегчением выдыхая.

— Слава богу, милая, а то я уже испугалась.

Я только поджимаю губы. Ну вот. То чего я так боялась.

Да, мать не фанат Джейса, особенно после того, как мы расстались. Она видела, как я это все переживаю; она видела, как ведет себя Джейс и какие истерики мне устраивает, поэтому ничего удивительно в том, что она не хотела больше нашего воссоединения.

— Мам, я просто....

Я снова замолкаю, пытаюсь подобрать правильные слова. Но когда не могу найти их, пауза затягивается, а терпение Джослин начинает иссякать, я просто вымученно развожу руки в сторону.

— Я влюблена в Алека.

Вот. Я это сказала. Вслух.

С замиранием сердца жду ее реакции, но разочаровываюсь, когда вижу в ее глазах шок.

— В Алека Лайтвуда? — потрясенно спрашивает мать, и я сдавленно киваю.

Джослин изумленно смотрит на меня, явно гадая, как это могло произойти. Да я и сама

не понимала.

— Милая, но как... — мама поднимается со своего места и начинает нервно мерить шагами кухню, кидая в мою сторону беспокойные взгляды, — Алек Лайтвуд? Он же ненавидит тебя, Клэри!

Я раздраженно поджимаю губы.

— Мам, это в прошлом.

Но она только качает головой и встает рядом, чтобы утешающе обнять меня за плечи.

— Милая, может, тебе показалось? Может, это скоро пройдет?

Горько усмехнувшись, отвечаю ей неодобрительным взглядом.

— Мам, я люблю его.

Она пару минут просто шокировано на меня смотрит и явно не знает, что сказать. Что ж, это не та реакция, которую я хотела видеть. Но эта была та реакция, к которой я себя подготовила.

— Милая, но это же... наверно, тебе не просто справляться с чувствами к этому мальчику? Безответная любовь это всегда тяжелое испытание.

Во-первых, я вижу неискренность в ее взгляде. Джослин говорит одно, а чувствует при этом другое. Ей жаль меня и она мне сочувствует, да, но она определенно не верит в глубину моих чувств к Алеку. И не это меня так обижает.

А то, что она даже не допустила мысли о том, что Алек... мог мне ответить.

Поэтому я просто отхожу на шаг назад, позволяя ее рукам, до этого обнимающим мои плечи, повиснуть в воздухе. В ее глазах отражается непонимание, а в моих вечное желание что-то доказать. На этот раз собственной матери.

— Я с Алеком, мам. У нас все взаимно.

Минуту мать молчит, явно борясь с собственным шоком. И я понимаю, она знает Алека, как отличного лидера, да, но при этом, она знает его и как моего вечного обидчика. Ей сложно поверить в то, что нас ним связывает что-то большее.

— И я здесь, чтобы просто сказать тебе об этом. Чтобы ты знала, что я с Алеком.

Джослин потрясенно выдыхает и в ее глазах оттеняется десяток эмоций: удивление, неприкрытый ужас, разочарование, непонимание, а после сочувствие, которое снова сменяется недовольной констатацией факта.

— А Саймон?

Я ждала этой фразы. Правда, ждала. И я ценю то, что мать смогла взять себя в руки, и спросить об этом сухо, осторожно и почти без упрека.

— Саймон мой лучший друг, мам. И наша дружба не обременена чем-то другим. Он счастлив с Изабель. А я уже счастлива с Алеком.

После разговора с мамой, последнее, что мне было нужно, это наткнуться на Джейса и Саймона в Институте. О, я готова была провалиться сквозь землю!

Саймон сразу утащил меня гулять, избавив меня от наверняка неловкого молчания с Джейсом, который смотрел на меня слишком внимательно.

Саймон сразу спрашивает о нашей поездке, интересуется, почему мы задержались, и весело шутит о «ворчливом» Алеке, который, по его мнению, наверняка меня там обижал.

Так как Саймон имеет «особое» отношение к Алеку, который умел колко осадить его, я трачу добрых два часа на то, чтобы просто убедить Саймона в том, что мы с Алеком стали хорошими друзьями. Я рассказываю ему о бале, о том как Алек ходил со мной в художественный магазин, как катался со мной в парке аттракционов. Я постепенно подвожу

Саймона к тому, что мы с Алеком... сблизились.

Я выслушиваю много колкостей в адрес Алека, встречаю много недвусмысленных вопросов и получаю тонну искреннего изумления. Но Саймон оставляет для нас еще более глубокое раскрытие этой темы на другой раз, потому что его срочно вызывает Рафаэль.

Потрепав по отросшей шевелюре своего лучшего друга, я возвращаюсь в Институт усталой и почти счастливой. Совсем забыв про Джейса, который не забыл про меня.

Парень перехватывает меня сразу, как я поднимаюсь на свой этаж.

— Ну, привет, Клэри.

— О, Джейс...

Я нервно отступаю, и все мысли в моей голове практически испаряются. Остается только одна: Что мне делать?

И она пугает до ужаса.

— Слушай... — Джейс так же неуверенно мнетя, отведя взгляд в сторону, — Не хочешь прогуляться?

— Джейс...

Я почти готова сослаться на какие-нибудь срочные дела, потому что меня пугает перспектива разговора с Джейсом. Я хотела, чтобы он сначала поговорил с Алеком. А сейчас... Что если Джейс снова начнет говорить о нашем прошлом?

Но когда Джейс поднимает на меня какой-то раненый взгляд, открывающий мне его уязвимость, конечно, я сдаюсь. Я киваю и ласково улыбаюсь ему, чтобы приободрить. Казалось, что Джейс нуждается в этом больше, чем я сама.

Мы доходим до оранжереи, обсуждая отстраненные темы. Джейс рассказывает, как намучался за это время с Саймоном и Рафаэлем, которые все время изводили его своими перепалками. Я искренне смеюсь и когда он рассказывает о том, что Изабель решила приготовить ужин на выходных. Проиригнорировав шутки Джейса о том, что кулинарные способности вряд ли могли в ней так резко проснуться и, вообще, появиться, Изабель устроила ужин, и бедным Джейсу и Саймону пришлось дегустировать.

— Мне еще повезло, я сослался на какое-то срочное дело и быстро свалил с кухни, — почти непринужденно рассказывает Джейс, фыркая и дерзко закатывая глаза, попутно пропуская меня в оранжерею и придерживая за нами двери, — Саймону же пришлось хуже: ему пришлось давиться этим еще около часа, пока на кухню не пришел Ходж. Его почти сразу скрутило.

Еще пара незатейливых шуток от меня, и разговор, так или иначе, все равно сводится к тому, что бы должны были обсудить.

То, что мы должны были обсудить вместе.

Джейс долго смотрел на меня внимательным и каким-то тягостным взглядом, когда я не стала нарушать возникшую тишину.

— Все изменилось, да?

Я не сразу поднимаю взгляд на Джейса, когда слышу эти слова. Сказанные так надрывно и... боязливо?

Все случилось так, как я и думала.

Джейс догадался.

Джейс все понял... сам.

— Джейс...

Он сразу отводит взгляд, когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

— Ты и Алек... все ведь теперь иначе, да?

Он бросает в мою сторону короткий и беглый взгляд, чтобы сразу отвести его в сторону. Я хочу быть честной с Джейсом.

— Да.

Парень сразу надевает на себя маску, делает пренебрежительную попытку порадоваться за нас с Алеком и уже хочет увести меня обратно, забыв, что я знаю его так же хорошо, как он меня.

Я знаю, что чувствует Джейс.

И это не ревность.

Не обида.

Нет.

Я знаю, чего Джейс боится больше всего на свете.

Он боится остаться один.

И сейчас он думает, что я его оставляю.

— Джейс, — я встаю перед ним, и, когда он делает ложную попытку снова свести все в шутку, я не даю ему это сделать. Я встаю вплотную к нему и касаюсь ладонью его щеки, чтобы сразу попасть в плен его глаз. И в эту секунду я вижу в нем так много всего: Я вижу своего Джейса.

Я вижу, как он раним и чувствителен. Я вижу, что он боится остаться один, боится, что его оставлю не только я, но и Алек. Джейс искренен и он все понимает. И он пытается поступить правильно. Пытается не дать проснуться своей эгоистичной стороне.

В его взгляде помимо редкого страха и неприкрытой печали, теперь так отчётливо читается надежда на то, что я не дам ему отойти в сторону.

Потому что я вижу, что Джейс хочет остаться.

С нами.

Со мной.

— Я люблю его, Джейс. Очень люблю, — я ласково глажу его по щеке, радуясь тому, что он не отстраняется. Джейс только смотрит на меня раненым взглядом, ожидая вердикта, — Ты прав, все изменилось. Между мной и Алеком.

Жадно втянув в себя воздух, чтобы не дать кому в горле сдавить его еще сильнее, я, поджав губы, нежно улыбаюсь человеку, который так много для меня значил.

— Но ничего не изменилось между нами. Между тобой и мной. Ничего не изменилось, Джейс.

И когда в его взгляде пробегает тень жгучего сомнения и прежнего страха, я протягиваю к нему вторую руку и, коснувшись его лицо, ласково ему улыбаюсь, наблюдая, как теплеет его взгляд, и расслабляются мышцы лица.

— Ты всегда был в моей жизни и будешь, Джейс. Я не выбираю между вами. Ты важный человек в моей жизни, Джейс, ты моя первая любовь. И чтобы бы между нами не было, какие бы ссоры и разногласия не преследовали нас, я никогда не оставлю тебя. Ты моя семья. И я не выбираю между тобой и Алеком. Я просто принимаю то, что есть. Мои чувства к Алеку. Его чувства.

Джейс с таким облегчением выдыхает, словно он нес на себе невыносимо тяжелый груз все это время. Парень надрывно заключает меня в свои крепкие объятия и, уткнувшись носом мне в волосы, глубоко вдыхает и сжимает меня еще крепче.

— Спасибо, Клэри, — тихо выдыхает парень, отпустив меня через пару минут, чтобы

заглянуть ко мне в лицо с теплой улыбкой, — Спасибо, что сказала мне это.

24: Клэри

Джейс ушел через какое-то время, но я осталась в оранжерее.

Мы еще немного поговорили о нас, о том, что было, что с нами случилось, почему не справились. Нам нужно это было обсудить.

И нам нужно было это сделать уже очень давно.

После разговора с Джейсом мне стало легче. Чувство вины перестало терзать, а совесть наконец-то перестала винить его в том, что у нас ничего не получилось. Что-то внутри меня успокоилось.

Перестало душить.

Я остаюсь в оранжерее, чтобы подумать о том, как много изменилось в последнее время.

Джейс наконец-то «нашел дорогу» к Иззи и Алеку, которые терпеливо ждали его и верили в то, что он образумится.

Джейс «нашел дорогу» ко мне.

И я была так рада его возвращению, что была тронута происходящим.

Я наконец-то разобралась в себе. Приняла себя такую, какая я есть. Приняла свои чувства, от которых так долго и упорно бежала.

Я наконец-то стала чувствовать себя счастливой. Ценить каждый день, каждый момент. Позволила себе отпустить прошлое и постараться стать счастливой в настоящем.

В моей жизни теперь был Алек.

Нет, он был в ней всегда, но теперь он не стоял позади меня. Теперь я не оглядывалась на него с опаской.

Теперь Алек стоял рядом.

И когда я смотрела на него, я видела в его глазах ту же поглощающую глубину чувств.

Мы с Алеком так много прошли... что-то вместе, что-то порознь. Но мы долго искали путь друг к другу, и, когда нашли его, поняли, что все остальное не имело значения. Наша не признанная официально дружба быстро переросла в нечто большее, потому что мы с Алеком узнавали друг друга все лучше. В него было невозможно не влюбиться.

Нам потребовалось время, чтобы признать свои чувства.

Мы оставили позади ненависть и пренебрежение, недоверие, разочарование и равнодушие. Все это было. И все это сделало нас такими, какими мы были сейчас. Мы научились ценить друг друга и уважать. Мы научились возвращаться друг к другу. Перестали возводить стены, которые все равно не могли уничтожить ту связь, которая возникла между нами в первый же день. Пусть она и была обременена моим раздражением и недоверием Алека, но она была. И со временем эта связь стала такой прочной, что вся остальная шелуха канула в былое.

Парень, который избегал меня, который боялся сблизиться со мной и позволить себе понять меня, теперь хотел строить со мной будущее.

Ирония судьбы или необходимый жизненный урок?

Что именно этот человек всегда был рядом со мной, чтобы ни случилось.

Пусть он стоял в тени, это не важно.

Алек всегда был рядом.

Что бы на тот момент нас не связывало.

— Так и знал, что найду тебя здесь...

Я несколько испуганно оборачиваюсь, но когда вижу Алека, сразу расплываюсь в теплой улыбке.

Парень подходит ко мне и, поцеловав меня в лоб, сразу обеспокоенно всматривается в мое лицо. И я тону в его взгляде.

— Почему ты... здесь?

Я быстро пересказываю ему разговор с Джейсом и, если первые секунды Алек слушал меня напряжённо, то в конце уже расслабленно улыбался, не скрывая счастливой улыбки.

Алеку тоже было важно знать, что у нас с Джейсом все хорошо.

Потому что это означало, что ему не придется «воевать» с ним.

Мы с Алеком выходим на балкончик и, когда парень встает за моей спиной, обняв меня за талию и крепко прижав к себе, я осторожно спрашиваю его о Мариз.

И я искренне радуюсь за него, когда слышу, как прошла их встреча.

Алек нуждался в ее теплоте.

Он скучал по «теплой» Мариз.

Конечно, Алек спрашивает меня о Джослин и, выслушав мой рассказ, успокаивает меня своими рассудительными речами. Он дает мне утешение и веру в то, что она сможет принять мой выбор.

Мы долго обсуждаем Магнуса, с которым Алек наконец-то нашел в себе силы объясниться. Магнуса не нужно было бояться, потому что он с искренней радостью вернулся в «семью». Алек был важным человеком в его жизни, и я знаю, что Магнус был таким же важным человеком в жизни Алека.

Я это знаю, потому что у меня был Джейс.

И это было равносильно тому, что происходило у Магнуса и Алека.

Мне важно было сохранить Джейса.

Алеку — Магнуса.

И мы это сделали.

Алек со счастливой редкой улыбкой рассказывает, что Магнус, узнав о нашем статусе пары, искренне порадовался за нас и даже передал мне в подарок самые дорогие кисти и краски, о которых я могла только мечтать, так как внимательно слушал, когда Алек рассказал ему о том моменте, когда мы посетили художественный магазин в Сиэтле.

Стоит ли говорить, что Алек единственный, кто увидел мою тоску по тому творчеству, которым я раньше жила?

Алек увидел во мне это и отнёсся к этому уважительно.

Конечно, я радуюсь, узнав о подарке Магнуса, который значит для меня также много, и который нес в себе больше смысла, чем подумал бы кто-то другой. Магнус выразил этим не только то, что он признает выбор Алека и, что он его не корбит.

Магнус так же показал, что все это время скучал и по мне.

Я радуюсь их воссоединению, возвращению Магнуса в нашу жизнь, перечеркнутому молчанию, которое возникло между ними после ухода Лайтвуда.

Я любовно смотрю на Алека, отмечая каждую деталь его внешности, каждую эмоцию, взгляд, улыбку. Я жадно целую его, и меня снова накрывает волна необъятных эмоций и чувств. Теряясь в Алеке бесповоротно, я позволяю ему заблудиться во мне точно так же.

Отстранившись, мы оба дарим друг другу полный любви и теплоты взгляд.

Я вижу, каким «теплым» стал Алек. Вижу, как его лицо освещает умиротворение и счастье, позволяя парню расслабить вечно ровную спину и опустить плечи, которые всегда несли на себе слишком много обязательств.

Жизнь Алека наконец- то обрела покой.

А моя?

Счастье.

Потому что я была с ним.

Я была с Алеком.

И мы больше не ненавидели друг друга.

Больше книг на сайте - Knigolub.net